

Виолетта

Ковалёва

ВОЛЬНЫЕ

18+

Виолетта Ковалёва

Вольные

«Автор»

2026

Ковалёва В.

Вольные / В. Ковалёва — «Автор», 2026

Всегда ли жизнь позволяет взять себя под уздцы? Там, где гладкой тишью протекает река Дон, в казачьей станице новое поколение не собирается следовать старым законам. Молодой и слишком ретивый казак Иван предаёт сердце полной любви к норовистой дочери есаула Пелагее. Однако та грезит о вечной воле да сабле в руке. Дочь станичного атамана Ольга берёт счастье в собственные руки, не желая мириться с девичьей долей, но стоит ли так слепо доверять своему выбору? На пороге 1876 г. грядущая война заставит переосмыслить жизнь. Сломает ли она очередные судьбы? Или же вольные действительно имеют право выбора?

© Ковалёва В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	11
III	18
IV	21
V	24
VI	32
VII	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виолетта Ковалёва

Вольные

I

ЧАСТЬ I. МАЛОЛЕТСТВО И ПРОЧИЕ ДЕБРИ

На выжженные крыши станичных домов налегало утреннее солнце. Трескучие ветки деревьев, шелестели слегка пожелтевшими листьями и роняли их на сырую землю. Впрочем, несмотря на прохладный август, местные всё же пренебрегали тёплыми накидками и проводжали последний месяц лета как жаркий июль.

Митька схватил незнакомый его младшей сестре предмет с полки деревянного шкафчика и поспешил поскорее выйти из куреня.

“Он постоянно оглядывается, должно намылился куда-то” — подумала про себя Пелагея.

Не теряя времени, она соскочила с мягких перин кровати и незаметно прокралась за братом. Выйдя во двор, она увидела, как Митька, сжимающий в руке какой-то предмет, перешел на бег и с лихвой откинул голубую скрипучую дверцу калитки. Бедная Полька... она была меньше и ниже его, ей пришлось приложить все свои усилия, чтобы успеть проследить за крепким казаком и при этом остаться незамеченной. Под её короткими ребячливыми ногами шелестела листва, хрустели ветки, но волей случая до ушей брата эти звуки не дошли, и он, неозадаченный насколько тайным осталось его отсутствие, все ещё спешил в неизвестном для Польки направлении.

Пройдя колодец и хатку одной из самых главных сплетниц станицы- Людки Зыковой, Пелагея, кажется, начала понимать куда торопится её братец. Он повернул за старый амбар, который находился почти на окраине станицы и давно не пользовался значимостью у местных.

Прислонившись к его едва прогнившим и обмокшим после утренней росы доскам, Пелагея стала наблюдать как Митька подходит к густым кустам и растворяется в листве.

— Ну шо, есть? — слышалось из веток.

— Да есть конечно. Ты шо думаешь, я из своего жилища сигареты шо ли не сволочу? Пелагея почувствовала знакомый дым и поморщилась, догадываясь, что происходит.

Понимая, что начатое нужно довести до конца, она вышла из своего укрытия и подойдя к густым веткам, раздвинула их дабы воочию поглядеть на то, из-за чего ей пришлось пробежать за братцем через всю станицу.

И можно смело сказать, что увиденное её больше, чем устроило. За кустами на скамейке развалисто рассаживались её брат Митька со своим белёсым товарищем, постоянно поправляющем кудри. В зубах у обоих были богато набитые табаком сигареты.

Сделав довольное лицо, она ехидничала:

— Ой, Митя, я вот ищу тебя повсюду, а ты вот где оказывается зад просиживаешь...

— Ты...ты шо тут делаешь?! — ошеломлённый внезапным появлением сестры, с сигаретой в зубах промямлил Митька.

— Да вот, решила узнать, куда это мой братик дорогой постоянно пропадает, думала мож на свиданку бегают, а тут такое...

— Узнала? Вот и иди отсюда. — грубо отрезал брат.

Пока он и Пелагея язвительно бранили друг друга, белесый товарищ Митьки, которого звали Иван, как обычно влюблённо оглядывал его сестру.

— Да ладно Мить! — вмешавшись в их перепалку начал Ванька. — Пусть останется, она же ничего никому не расскажет, да Поль? — повернувшись к Пелагее с глуповатой улыбкой, он смущенно прикусывал сигарету.

— Ну... — начала Пелагея.

— Иван ты чё? — оборвал его Митька. — На кой ляд она нам здесь? Шо мы её, будем учить дымить шо ли?

— Да посидит с нами просто... — все ещё заторможенный Польшкиным присутствием пытался найти аргументы Иван. Митька видел, как меняется друг при появлении его сестры.

Сам по себе, Иван был на редкость высоким, светловолосым, при этом, его длинные брови и усы имели достаточно тёмный оттенок. С Митькой его дружба берёт начало с того времени, когда они были еще ребячлевыми казачатами, а Пелагея только вылезла из люльки.

— Я не собираюсь здесь с вами лясы попусту точить, — перебила их обоих Пелагея - дома работы много. Да и у тебя Мить кстати тоже, кто-то батьке обещал помочь крышу в конюшне заделать.

— Обещал - заделаю, и вообще, не тебе обещал, а батьке! — нехотя ответил Митька.

Надо сказать, что сестру свою он всё-таки любил, и даже больше, чем может показаться на первый взгляд, но уж больно она была несносной и вредной, и с детства нередко ставила его в неудобные ситуации перед родителями. Но такова ноша старших братьев, возиться и заниматься воспитанием младших отпрысков, когда этого не успевают делать родители. Именно поэтому он по привычке, и вспоминая её несносность, может резко намекнуть ей, что лезет она не в свое дело, только вот Пелагея выросла из детского возраста и перестала быть вредной и бескомпромиссной ябедой.

Но всё-таки в этой ситуации она решила вернуться к своим ребяческим привычкам...

— Вот как, ну ладно, если батька тебя спросит, скажу тогда шо тебе некогда. — язвила Пелагея, собираясь уходить.

— Подожди... — остановил её Митька — чё ты меня запугиваешь?! Я казак взрослый, на шо имею права, то и делаю.

— Я уже поняла, я ему так и отвечу. — Не ожидавшая такой резкости от брата ответила Пелагея.

— Ой... — с досадой произнёс Митька. — Стой! Вот чего тебе надо? Чего ты хочешь?

Пелагея, уже почти потерявшая надежду, с довольным лицом повернулась к брату.

— Дай мне Буяна прокатиться.

— Шо? Нет конечно, не справишься ты с ним, покалечишься ещё, и так постоянно за тебя получаю.

— Не покалечусь, ну пожалуйста! — выпрашивала Польшка.

— Нет. — продолжал брат.

— Польш, а хочешь я тебя на Сиве покатаю? — вмешался Ванька.

— Да нужна ей твоя Сивая кобыла... — усмехнулся над другом Митька. — она на коня моего слюни пускает, а он ещё не осёдлан как надо.

— Хотя бы под твоим присмотром, ну Мить... — продолжала клянчить Пелагея.

— Ладно... — сдался Митька-завтра утром, если не проспишь - покатаю.

— Спасибо братик! А то уж я подумала, опять ябедничать придётся, а ты знаешь как я это не люблю.

— Язва...

— Что?

— Говорю ясно...шо не любишь. — пытаюсь скрыть недовольство ответил Митька.

— Ну, я ворочуся домой, а то дел по горло, да и ты не засиживайся. — победно произнесла Пелагея, она в очередной раз смогла заставить Митьку сделать так, как она хочет. — Покеле Иван, Сиве привет!

— Привет... — произнес Иван, смотря в след своему обожанию.

Митька заметил, как Иван снова теряется в его сестре и попытался вернуть его в реальность:

— Э, э! Ну ты чё зенки вылупил, моргай хоть, а то высохнут!

— Да иди ты в баню!

Пелагея вышла на середину улицы, навстречу ей шла двоюродная сестра Ольга, дочь станичного атамана. Была она также темперамента, как и Польшка, однако уж шибко любила совершать разные глупости: то на гулянке резвостью отличиться, то застыдит какого-нибудь казака своим вниманием. Конечно, и Пелагея во многом не уступала своей сестре, просто она немного застенчивей своей родственницы, и особой общительностью не отличалась. Ольга же была полной противоположностью. Её привлекали шумные гуляния и компании друзей, не сторонилась новых знакомств и хотела поскорее найти достойного её хлопчика. Не сказать, что девушка была высокомерна, но что-то близкое к этому в ней явно прослеживалось. Её излишний интерес ко всему, что только могло показаться на горизонте зачастую доставлял одни неприятности. Причем не только ей, но и всем, кто был рядом. Однако Ольгу это не останавливало. Уж слишком легкомысленно и беззаботно она проживала каждый свой день. Именно поэтому появление сестрицы для Пелагеи не предвещало ничего хорошего, наверняка она опять потащит её к своим подружкам, или ещё хуже снова начнёт с кем-нибудь знакомить. Так и случилось.

— Польшка! — окликнула Пелагею Ольга.

Она подбежала к ней и продолжила:

— Я как раз к тебе, хочу позвать тебя...нет! Настаиваю, чтобы ты пошла со мной!

— Куда? — слегка удивлённая такой резкостью спросила Пелагея.

— Хочу тебя кое с кем познакомить!

“О нет! Только не это!” — подумала Пелагея, понимая, что уже не отвертится от очередной авантюры.

— Когда? — уже не сопротивляясь спросила Польшка.

— Вечером за тобой зайду! Зараза, Колька меня перед батькой подставил, теперь придётся делать вид до вечера, что по дому работаю, ишь наказал меня! — досадно произнесла Ольга.

— Так он же поймёт, что ничего не сделано. — с надеждой отвязаться от Ольги ответила Пелагея.

— Не, я прислугу подкуплю, она втихаря всё сделает.

“Всё, я пропала!” — кричало нутро Польшки.

— Ну давай, вечером свидимся, мне пора! — попрощалась Ольга и поспешила домой.

Пелагея поняла, что нужно морально подготовиться к ещё одному вечеру, проведённому с сестрой, и последовала в сторону дома.

Вечером, как и обещалось, она с Ольгой топали в сторону околицы.

— Мне обязательно с тобой топать? — удручалась Польшка.

— Конечно! Иль ты хошь, чтобы Ховринские подумали, шо Ольга, дочь станичного атамана балаболка? — ответила Ольга.

— Н...нет... наверное.

— Ну вот, я ведь уже обещала, что приду не одна. — продолжала она.

Они вышли из станичных ворот и направились к небольшому мостику, который служил переходом из их станицы в соседнюю - Ховринскую. На мостике уже виднелись три фигуры.

Завидев знакомых, Ольга радостно замахала руками и ускорила шаг.

Навстречу ей подошёл невысокий парень с рыжеватой шевелюрой и слегка свисающим прямым чубом.

— Славик! — подбежав к своему воздыхателю обрадовалась Ольга.

Некоторое время она болтала со своими друзьями, пока Пелагея оставалась в стороне и пристально оценивала каждого.

Славик показался ей довольно дружелюбным и безобидным, чего она не сказала бы об ещё двоих, болтавших с её сестрой незнакомцах.

— Познакомьтесь! — Начала Ольга. — Это моя сестра Пелагея, она немного стеснительна в новых компаниях.

— Здравствуйте... — растерялась Пелагея.

— Здо`ово, я Слава — прокартавил Славик.

— Да, это Слава! — перебила Ольга. — А это его друзьяк Валерка, сын станичного атамана. — Ольга указательным пальцем представляла знакомых.

— Это Лизка...Лизавета, его сестра.

— Младшая. — добавила Лизка.

— Очень рада. — пыталась любезничать Пелагея.

— И я. — ответил, с черными, слегка скрывающими шею кудрями, бесстыдно дымящий казак.

Долгое время он не сводил с Польки глаз, оценивая её с головы до ног.

Встретившись с ним взглядом, она заметила, как его глаза застыли на её скованной от стеснения фигуре, а черные как угли брови хмурились, создавая впечатление не самых добрых намерений.

— Поль! — подошла к Пелагее Ольга. — мы со Славиком пойдем прогуляемся вдоль озера.

— Ты очумела? Хочешь меня одну с этим...волчарой оставить?

— С каким волчарой? С Валерой? — дивилась Ольга.

— Оля... — наклонилась к ней Пелагея. — не по себе мне как он смотрит на меня, как душегуб...

— Какой душегуб? — откровенно усмехнулась над ней Ольга. — это ты уже от одиночества очумела, давай лови хлопца пока тёплый, а то так в девках и помрёшь...душегуб...ну надо же додуматься.

Пелагея успокаивала себя присутствием сестры Валеры Лизаветы, но повернувшись нигде её не увидела. Валера же тем временем уже направлялся к ней.

— А где Лиза...сестра твоя? — спросила Пелагея, надеясь на обнадёживающий ответ, но его не последовало.

— Лиза то... — начал Валера. — ушла жеребца моего пасти, я недалеко от моста его привязал...хы...жеребчик у меня добрый, не ровня кобыле прошлой, дури - хоть отбавляй!. — продолжал рассуждать кудрявый — всё ей не так, не этак, кобыл теперь не люблю, ненадежные... — он повернулся к Польке. — А ты шо разумляешь? — снова нахмутив густые как шерсть брови, спросил Валера.

— Что? — растерялась Полька.

— Ну ты кого предпочтёшь? Кобыла аль жеребец?

— Я...ммм...так сразу и не скажешь, но вот у меня есть друг детства, он ездит на кобыле и она даже сказать несносная, но он её очень...

— А мне зачем твой друг? — перебил её невежа. — Я про тебя хочу узнать, а не про твоего друга...детства.

Пелагею не ожидала такой резкости от нового знакомого, и поэтому стеснение постепенно начало сменяться раздражительностью.

— Тем более если он не меняет невоспитанную и развязную кобылу на добротного жеребца, то он не самый умный человек. — продолжал Валера.

— Не нужно так про Ваню. — резко ответила Пелагея.

— А, так он Ванька? — усмехнулся кудрявый. — Ну это всё объясняет...ха, Ванька-дурачок.

— Знаешь, — перебила его Полька.— Я лучше пойду.

— Да погоди ты! — пытался остановить её Валера. — Это из-за того, шо я дружочка твоего дурачком назвал? Ну перебрал трошки, просто я привык называть вещи своими именами.

Пелагея не заметила как подошла к прогнивающей стороне моста.

— Слушай! — пытаюсь держать себя в руках говорила она. — Мне мочи больше нет терять время и разговаривать с таким дураком как... — Она не успела договорить, прогнивающие доски моста треснули под её ногами, и она рухнула в воду.

Валера опешил, начал звать Ольгу, даже не пытаюсь нырнуть за тонувшей. Он не знал, что Польша не умела плавать, но это всё равно не объясняло его поступок.

Пелагея барахталась в воде, пытаюсь всплыть, но только теряла силы.

— Помогите! — захлёбываясь кричала она.

— Плыви! Плыви! Руками работай! — кричал Валера. Он уже начал было снимать рубаху но тут перед его глазами кто-то пронёсся и юркнул в воду с моста.

“Славик”- обрадовался Валера, но вдруг увидел бегущих к нему Ольгу и Славу.

— Ваня! — слышалась из воды.

— Держись меня! Хватайся!

Пелагея жадно ухватилась за подплывающего к ней Ваньку. Никогда прежде она не была так рада его появлению.

В отличие от Валерки, бесстыдно ждущего чудесного спасения маленькой, хрупкой девушки, Иван искренне переживал за Пелагею.

Но всё-таки не упустил момента что бы не подметить нелепость ситуации:

— Ну хоть так с тобой удалось время провести.

— Ив-в-в-ан. — дрожа от холода и страха начала Пелагея. — Мн-не не см-мешно, мн-н-е с-стр-р-рашно.

— Да ладно те Польша. — ответил Ванька. Ухватив Пелагею, он двинулся в сторону берега.

- Ну шо страшного то? Здесь всего-то два человека утонуло.

— Что? — Пелагея смотрела на Ивана своими большими, серыми, и не на шутку напуганными глазами.

В эту секунду до Ивана дошло, что шутить он явно не умеет.

— Польша, я шутканул, это вообще давно было.

Выплывая из воды, он подхватил обессиленную Польшку на руки и донес до привязанной неподалеку Сивы.

— Ты как Польша? — обеспокоенно спросил Ванька.

— Я...плохо...

— Иван! — кричала несущаяся в их сторону Ольга. — Польша как ты?

— Плохо она! — ответил Иван. — На кой ляд ты её сюда притащила? Ты шо забыла шо она плавать не умеет? Куда смотрела?

— А ты шо разорался на меня? Ишь умник! Я знала всё прекрасно, я её с Валеркой, своим другом оставила! — перекрикивала его Ольга.

— Каким ещё Валеркой? Видал я как он ей помочь пытался!

— А ты вообще шо здесь делаешь? — более спокойно чем раньше спросила Ольга.

— Я ехал с дозора. — отвечал Иван.

— Ну? — выпытывала Ольга.

— Шо ну? Еду и слышу Польшкин голос, привязал Сиву к дереву и подхожу к мосту, вижу Польша с кем-то разговаривает, я решил последить...

— Подслушать. — язвила Ольга.

— Можешь не перебивать! — не выдержал Иван. — Вижу шо она кричать начинает и плюх...

— Что “плюх”? — спросила Ольга.

— В воду плюх! — прокричал Иван.

— Хватит орать на меня! Ты припадочный!

— Ладно, я домой её отвезу...ох и влетит же тебе.

Услыхав последнюю фразу Ольга, вспомнила, что всё ещё была наказана и не успела искупить свою вину перед батькой.

— Стой! — прокричала Ольга. — Давай договоримся? Я тебе подперсье новое, а ты моему батьке ничего, а?

Иван остановился и пробормотав, что-то недовольно пошёл дальше.

— Иван, — обратилась Польшка. — не говори ничего Адриану Егоровичу ну пожалуйста, он же её в покое не оставит, она наказана.

Иван остановился, посмотрел на Пелагею, потом на пытающуюся сделать жалобный вид Ольгу, потом снова на Пелагею.

— Наказана? — спросил он было с сочувствием.

— Да! — огорчилась Польшка.

— Значит есть за шо! — усмехнулся Иван.

Услышав такое Ольга вышла из себя.

— Ах вот как! — кричала она ему вслед. — Не приходи ко мне больше за помощью, слышишь?! Н-И-К-О-Г-Д-А!

— А я и не приходил! — ответил ей Ванька.

— Вот и не приходи никогда! Индюк самодурный! — возмущалась Ольга.

Пелагея, сидевшая на Сиве, которую Иван вёл за повод вдруг заговорила:

— Не поможешь, я расскажу твоему батьке, Алексею Степановичу шо ты его сигареты из дома тыришь и за кустами дымишь!

Иван остановился.

— Поль, это ж другое, к тому ж казаку дымить обычное дело. — произнёс он, глядя на неё с притупленным взглядом.

— М... не думаю шо тырить отцовский портсигар без спросу тоже дело обыденное...Митьке кстати тоже за табак турецкий прилетит, опять у батьки все запасы вынес. — ответила Пелагея.

— Видал! — подстрекала Ольга.

Иван какое-то время помялся, а после согласился.

Доведя Польшку до дома, её батька опешил, увидев в каком состоянии вернулась дочь: мокрая, грязная, и вдобавок верхом на кобыле, и не на какой-нибудь, а на Ванькиной! Это был двойной удар!

Он и так достаточно недолюбливал Ивана, так ещё и не понял, как тот мог вернуться с Пелагеей, когда только недавно возвращался с дозора.

Впрочем, сейчас это было для него не так важно, с Иваном он позже разберётся.

— Как тебе сестра Олькина? — интересовался Славик у дружка.

— Видная, брат, — отвечал Валерка, поглаживая подбородок. — но несносная, как кобыла этого Ваньки-дурачка.

— Ну поговаривают этот дурачок влюблён в неё по уши, так, что лучше на неё не засматриваться.

— Славик, так даже интересней, это ж не жеребца выбирать... можно и потягаться...

II

Ну шо братки - казаки! — начал Ермил Гордеевич. — Вижу, не все из люлек повывлезали! Каневский хуже всех показал подготовку.

Ермил указал на Ивана.

«Опять насупился!» — возмутился про себя Ванька.

— Хуже чем то, шо я видел сегодня, я раньше не наблюдал!

В строю слышался гул и смех.

— Отставить смех! Позорники! Здесь не ржать надо. — рвал глотку командир. — Позор для всего отряда.

Ермил Гордеевич посмотрел на Ивана, который прекрасно понимал, что причиной недовольства атамана стало вовсе не его подготовка, а вчерашняя встреча с Пелагеей.

— А ты Иван. — продолжал Ермил. — Покель Ваньку валять будешь, да пустоблудить, с отряда пробкой вылетишь!

— Зато плавать хорошо умеет. — слышалось из левого фланга шеренги.

— Ага, ещё и оказаться в нужное время в нужном месте, ха-ха-ха-ха-ха! — добавили в ответ.

— Не, он знает кого спасать нужно!

Из насмешек сослуживцев было ясно, что местные сплетницы уже растрепали все подробности о вчерашнем спасении дочери станичного есаула. Наверняка, начало этому положила местная вдова Люда, которая как раз вчера бегала к озеру, стирать свои тряпки. Больше других, она любила собирать и разносить по станице самые свежие сплетни.

— Рот закрой. — сведя тёмные дуги бровей, накинудся на товарища Ванька.

— Рты закрыли все! - пребывая в ярости, проорал Гордеевич. — Нарушение дисциплины! Вы не казаки! Вы подобие строя! Сборище! Толпа! Но никак не казаки!

На самом деле Ермил был очень хорошим атаманом для своего отряда, но в последнее время начал часто наблюдать присутствие Ивана возле своей дочери. Это и выбивало его из колеи.

В его понимании Иван был неподходящей для Польки кандидатуры, ведь он так яростно и настойчиво подбивается к ней в женихи. Ермил же хотел подольше подержать дочь возле себя, и обеспечить ей лучшую жизнь, а настойчивый белёсый казак ему эти планы портит. Однако Ермилу придётся поднять его по службе, ведь он показывает себя лучшим казакот отряда, чего стоит его рубка со стрельбой или победа в джигитовке.

Сегодня же Ермил сорвал на него всю свою злость и недовольство:

— Пробегаем три круга, а вечером на дозор! — закончил коротко атаман.

— Опять не докурю! — прошипел Митька.

— Ты бы не увлекался, — ехидничал Иван. — Батек твой заметит, шо ты в строю дымишь, будешь не три круга а шесть мотать.

Митька отвернулся, выплюнул самокрутку, а после, задавив ее сапогом, вернулся в исходное положение. Однако перед его взором предстал отец, который все это время наблюдал за происходящим.

— Левицкий! — выкрикнул атаман.

— Я! — теряясь от своей глупости проорал Митька.

— Бадья! Значит так, ты с Каневским отдельно бежишь не три круга, а семь.

— Ну немного не досчитал. — иронично произнёс Митька Ивану.

— Ермил Гордеевич, а я за шо та?! — возмутился Ванька

— Ну как за шо — отвечал атаман. — вы же дружки, вот должен быть вразумить дружка, шо в строю курить плохо.

Иван еле сдерживая злость, посмотрел на своего бестолкового друга. Теперь вместо того, чтобы снова попытаться счастье выманить Польку на прогулку, ему придётся шмыгать семь кругов.

Душная комната залилась тёплыми лучами света, проходящими через застекленные окна.

За небольшим деревянным столиком рассаживалась Ольга, надменно рассматривая все свои достоинства в зеркале.

Возле неё располагались самые разные предметы для наведения красоты. Атаманская дочка снова куда-то собралась. И видимо слишком увлеклась самолюбованием, если не заметила вошедшего в ее комнату отца.

Несколько минут он наблюдал за дочерью, которая что-то бормотала себе под нос, и из этого бормотания он расслышал имя - Славик.

Оно и раньше проскальзывало в его доме, но только в контексте службы и соседских отношений между станицами. Теперь это имя произнесла его дочь. Дабы не надумывать себе невесту что, Адриан решил нарушить Ольгину идиллию.

Незаметно подойдя к столику он начал свой допрос.

— Прихорашиваешься?

— Ой! Батька! Ну шо вы так пугаете!

— А чего это ты пуганная такая стала? А? — прищуривая по-кошачьи глаза спрашивал Адриан.

— Батька, ну скажете тоже! — пыталась отшутиться Ольга.

— А шо это за Славик такой там у тебя? А?

— Какой Славик ? — Ольга решила строить из себя дуру, надеясь, отвязаться от отца.

— Ну ты сказала «Славик», я слышал, хто это?

Ольга не знала, что ответить. Не говорить же отцу, что она без его ведома мотается на свиданку с казаком из соседней станицы.

— Батька, я к Польке собираюсь, у неё поросся так зовут, — Ольга запнулась, сама не понимая, что она несёт. — самого дородного, поросся, я вот вспомнила про него вдруг.

Лицо Адриана приняло вдумчивое выражение, будто бы он пытался понять и поверить во враньё дочери.

— Неожиданно, шо они пороссям клички, точнее имена дают.

— Я тоже удивилась. — согласилась Ольга

«Ну-ну, удивилась она. — думал про себя Андриан. — Я тоже своему вранью иногда удивляюсь.»

Закончив диалог, Адриан разыскал сына Николая, и приказал ему проследить за неугомонной и падшей до глупостей сестрой.

Николая такая отцовская просьба, мягко говоря, не устроила, скорее расстроила своей внезапностью. Она была не совместима с его природной и чрезмерной ленью. Ему частенько приходилась огребать за сестринские глупости: то в хате бардак, то сама Ольга неизвестно где до вечера разгуливает.

Но в отличие от лени, которой он обладал в избытке, смелостью Никола прежде не хватался, поэтому, не перечая батькиным наказам, он подошёл к зеркалу что бы принять божеский вид перед тем, как выйти на улицу за сестрой.

Отмотав все восемь кругов вокруг ограждённого низким забором тренировочного плаца, обессиленные Иван и Митька держась за распахнутые ворота кителей, брели по широкой просеке станицы.

Местные бабы заметили жертв своих сплетен и начали обмениваться мнениями:

— Ох Иван какой стал ты посмотри! Прямо стать двухметровая! — начала одна рыжая, розовощекая женщина.

— Какая стать?! Ходячий сухостой! Ух Людк и насмешила! — ответила ей собеседница, не сдерживая смех, при этом нагло вато палясь на обоих казаков.

— А Митьку-то женить пора! А Ермил и не спешит!

— А может он у него неисправный какой! Потому и не спешит!

И тут вся бабья свора залилась смехом.

— Ух, трещетки старые! — скалясь на громкую толпу баб, бормотал Митька. — А ну-ка братец, это не Людка Евдокимовна там стоит? — спросил ехидно Ванька своего зоркого друга.

— Да она! Кто ж ещё так ржать может, сплетница старая!

— Да пушай ржёт стоит! Это ж хорошо!

Митька посмотрел на друга, не понимая, это ему солнце макушку напекло пока они восемь кругов вместо семи мотали, или он кандидат на будущего старика-сплетника станицы.

— Ты шо? Окстись, чего хорошего-то?

— Ну пока она здесь, за ее клумбой никто не сморит.

Иван глядел на друга своими ехидными голубыми глазами.

Через четверть часа вся станица знала, что у Людмилы стырили цветы, да никакие то там, а самые цветущие. Её истошные вопли о «бесстыжих паскудах» и «замшелых собаках», обобравших её клумбу лучше всякой газеты и вестника оповестили местных о свежей новости.

Ольга тем временем легкой рысцой двигалась в сторону озера. Никола шагал за ней по пятам. Честно признаться, раньше он не наблюдал за сестрой такую походку, оно и ясно, так только на свиданка бегают. Что же он скажет отцу? Придется сестру сдать? Так ему ж с ней ещё жить, такая и прибить может.

Возле мостика, где давеча чуть не утопла Пелагея, Ольга яро и горячо обняла того самого Славика.

«Лучше бы ты купаться пошла.» — думал про себя Николай.

— Слав, я больше не хочу прятаться, ты будешь сватов засылать?

— Оля я тоже устал от этих прятков, но я хочу дослужиться, шо бы к твоему батьке посватался не абы кто, а хотя бы младший урядник.

— Да мне все...

Она не договорила, потому что из-за своего укрытия вышел брат.

Ольга закатила глаза:

— ты ещё здесь откуда?

— За сестрой своей младшей слежу.

— Какая я тебе «младшая»? Мы одного возраста.

— Такая, по всему виду младшая, вечно смотреть за тобой приходится, кабы не натворила какой-нибудь...

— Я извиняюсь конечно, — перебил Славик. — но за ней есть кому следить. А ты видимо Никола?

— Я то Никола, а ты вообще кто такой моей сестре?

— Мне кажется тебе пора! — все больше злилась на брата Ольга.

— Как и тебе между прочим! — Никола чувствовал, как терпение его покидает. — Батька узнаёт-бляхой по тебе так пройдётся! Забудешь, как ерничать!

Иван добрался до дома своего командира - Ермила Гордеевича. В правой руке сжимая небольшой букетик из клумбовых цветов, он осторожно обошёл хату командира и постучал в окно.

Никто не отзывался. Тогда Иван прислонился к стеклу, убедился, что в комнатке никого нет. Досадно ругаясь, он так же осторожно, как и прежде подошел к входной двери и постучал.

Дверь открыла Пелагея.

— Здравствуй Польш, а я вот тут это... — Иван слегка замешкался. — Это тебе.

Пелагея не удивлялась такой смелости Ивана. Прийти в дом к дочери атамана погранотряда, да ещё и постучаться во входную дверь с каким-то веником в руках - так мог только Ванька.

— Иван ты в своем уме, а если увидит кто? — Пелагея была не особо рада такому вниманию. — Шо я отцу скажу?

— Скажи как есть! Хватит нам уже прятаться!

— Вообще не смешно! — её только злили нелепые шуточки приставучего поклонника. — Иван, уходи пожалуйста!

— А чего так по-гусарски? “Иван”. Можно просто - Ванечка! — не унимался Ванька.

— Слушай, Ванечка, я очень благодарна тебе за свое спасение, но более чем благодарностью, ничем ответить не могу.

Лицо Ивана в ту же секунду приняло более серьезное выражение:

— Ты серьезно сейчас? Ты думаешь я могу за это от тебя что-то требовать?

Пелагея смотрела на его высокую, нещадящую осанку фигуру. Из-за значительной разницы в росте, Ивану частенько приходилось наклоняться, что бы быть ближе к Польке.

Они знали друг друга ещё с раннего детства, однако раньше Иван, наоборот, не проявлял никакого интереса к дочери есаула. Впрочем, об этой ошибке он жалеет до сих пор.

— Ну... нет, я другое имела ввиду... — Полькин взгляд застыл на его миндальных лазурных глазах. — Ты очень хороший и надёжный друг.

Несколько секунд они смущенно молчали. Иван нервно перебирал стебельки сорванных, свежих цветков, прикусывая темно-русые усы.

Когда молчание стало слишком давящим, Пелагея первая нарушила тишину:

— Ладно, можем до озера прогуляться, мне всё равно идти туда, лошадей поить нечем.

— Ой, я зараза сметаюсь за Сивкой, а то не поена, ни доена. — Иван не скрывая радости, с перетянутой улыбкой протягивал Поле букет свежо пахнущих цветов местной сплетницы Люды.

— Повторяю, я птица вольная! — пребывала в негодовании Ольга.

— Вольная, тебе дома за такие выходки все перья обциплуют!

Перепалка между братом и сестрой, казалось вот-вот перейдет в кулачный бой. Ольга была слишком длинная на язык, из-за чего Николе редко удавалось подчинить её своей воле. Но в этот раз он понимал, что ситуация совсем иная, нежели просто её детские шалости. Она периодически видится на мосту с незнакомым ему казаком.

— Может хотя бы объяснишь, кто это? Почему ты бегаешь к нему втихомолку?

— Это жених мой!

— Кто? Какой еще жених?! — Никола разного ожидал от Ольги, но эта “выходка” заставила его выйти из себя. — А чего же он свататься тогда не приходит?! А!

— У меня к Ольге самые серьезные намерения! В скором времени я собираюсь засылать сватов! — кричал Славик через плечи Ольги, которая пыталась не допустить перепалки между её братом и женихом.

— Собираться - не засылать! А обещать - не жениться!

Никола повернулся к Ольге и схватив её за локоть, начал тащить в сторону дома. - Пошли домой! Пушай батька сам с тобой разбирается!

— Она никуда не пойдёт! — Славик выхватил Ольгу из рук брата и спрятал её за собой.

— Да ты кто такой вообще? — прищурился по волчьим глазам, в ярости шептал Никола. — Я брат её! Прочь с дороги! — Он грубо оттолкнул ненавистного зятя.

— А я жених! — Славик в ту же секунду обхватил нежеланного шурина и повалил на мокрую от утреннего дождя землю. Никола больше не скрывал своей ярости и прошёлся кулаком по моложавой морде соперника.

Ольга пыталась их разнять, но что она может сделать против двух крепких казаков? К тому же со стороны их драки больше походила на стычку уличных котов, не поделивших полёвку, чем на разборку за честь невесты.

Она металась вокруг катающихся по земле, и уже перебитых друг другом “родственников”. Никто из них не собирался остановить это нелепую склоку.

Недалеко от места их разборок, мирно прогуливались Пелагея и Иван со своей буйной кобылой Сивой, которая временами останавливала смущённого хозяина, чтобы пожевать травы.

— Если, как ты говоришь, Митька сильно дымил в строю, то почему вы бежали вместе? — интересовалась Пелагея утренними событиями.

— Так это батька твой всё. — отвечал Ванька. — Чего-то решил, что я его вразумлять должен был, а я что ему нянька в рот заглядывать?

Пелагея звонко рассмеялась с его возмущений.

— Ну и чего ты смеёшься? — продолжал возмущаться Иван. — Мне вот надоело за него получать.

— Ну так возразил бы батьке моему!

— Ага, такому возразишь... Так возразишь, что не восемь, а тридцать кругов топтать придётся.

“Прекратите!” — Послышалось с конца берега.

Полька с Иваном обернулись в сторону крика, а после побежали на источник звука. Приближаясь к истошным возгласам, умоляющим о помощи, они все больше и больше не верили в происходящее. Сын атамана катается на земле в обнимку с каким-то незнакомым казаком, а Ольга прыгает вокруг них, будто бы она ведьма, проводившая ритуал или жертвоприношение.

Иван тут же ринулся на помощь одностаничнику, после чего происходящее больше стало походить не на разборку, а на петушиные бои. Так несуразно они били друг друга и катались по траве, словно их никогда и не учили казацкому бою. Всему виной была мокрая земля и грязь, которая не давала противникам подняться и смиренно укладывала их обратно друг на друга.

Слава налегал на Ивана и нещадно бил его по угловатым скулам. Никола ногами пинал озверевшего соседского станичника.

Их драка была недолгой. Пелагея вскочила на кобылу Ваньки Сиву, и сама того не понимая, разогнала трёх хлопчиков в стороны. Славик бросился прочь от копыт, встав с третьей попытки, однако не рассчитав, поскользнулся на спуске берега и с плеском рухнул прямо в воду. Ольга подскочила к наречённому ей жениху, однако тот уже не был так терпелив, как раньше и злобно скалясь на Николу, сильно жестикнул, бросая жирные брызги пресной смешавшейся с береговой грязью воды.

Вся накипевшая ярость выходила наружу, и брызгала слюной:

— Мужик, который не может свыкнуться с мыслью, что его сестра вольная в выборе спутника жизни!

— Да я такого спутника как ты, не то что сестре, врагу не пожелаю! — Бросал в ответ Никола.

— Уходи Никола! — Ольга впервые так злилась на брата. — Ну уж нет сестрица! Без тебя я никуда не пойду!

— Оля, что здесь происходит?! — Вмешалась в перепалку Пелагея. Она узнала Славика, однако не понимала почему он дерётся с их братом.

Никола схватил Ольгу, не дав ей ответить на вопрос Польки. В ответ на это, Славик было хотел помешать ему, но перебитый Иван, быстро преградил дорогу навязчивому жениху. Ему не нравились Ольгины товарищи, особенно после прошлого падения Пелагеи с моста.

— Прочь. — злобно скалился Слава, запрокидывая наверх голову из-за разницы в росте.

Перебитый Ванька молча смотрел на мокрого и грязного как лесная ондатра Славика. После нескольких минут гляделок Слава плюнул в сторону Никола и демонстративно попрощался с Ольгой:

— Оля, я скоро загляну.

— В зеркало свое заглядывай! И почаще! Пугало! — бесился Никола.

Слава проглотил его ругательства и затопал прочь, в сторону своей станицы.

Ольга прежде никогда не видела брата в такой ярости. Он всегда чихал на все её дела, а тут его будто бы что-то задело. Его и вправду задело, точнее его самолюбие: какой-то незнакомый казак будет мешать ему воспитывать сестру? Впрочем, именно из-за такого напора Никола и невзлюбил Славика, а вмешательство Ивана в их перепалку просто воля случая.

Но саму Ольгу такое совпадение не устроило:

— Ты зачем влез? Тебя кто просил?

— Молчи лучше! И так дома по полной отхватишь за свои выходки! — не унимался Никола. — Спасибо Вань, шо не оставил!

— Спасибо Иван! Низкий тебе покло-о-о-он! — бесилась Ольга.

В такой ситуации Иван предпочёл промолчать. Всё-таки не хотелось ему ссориться ни с Ольгой, ни с её братом. Поэтому он молча взял Сиву за повод и вместе с Пелагеей побрёл в сторону родной станицы.

Отдалясь от озера, Пелагея ещё несколько минут слушала возмущения сестры впере-мешку с руганью.

Когда они добрались до станицы, местные сразу заметили всю “краску” на лице Ваньки: мелкие ссадины на скулах гармонировали с фингалом и подсохшей раной на губе. Такое трудно было не заметить даже самому ленивому до сплетен.

К их несчастью навстречу вышел станичный атаман - Адриан Егорович, который увидев побитого молодца, сразу заподозрил “нечистое”:

— Это тебя кто так? А?

— Да никто атаман, упал с кобылы...

— Упал? Я шо на дурочка похож? Так мордой не падают!

— Ну свезло мне так...— продолжал врать Иван.

— Шо поколотился с кем-то? Эх ты, казак! В бою руки распускай, а здесь миром всё решать надо, разговором, понимаешь?

— Понимаю...

— Да не черта ты не понимаешь! Скажи мне лучше, Ольгу мою не видали? — взгляд Адриана бегал то на Полю, то на Ваньку.

— Н-нет. — Пелагея замотала головой. — Не видали.

— Ладно, — досадно бормотал Адриан Егорович. — Куда же она... — не прощаясь он прошел мимо Ванькиной кобылы и продолжал что-то бубнить себе под нос.

— А вот это уже не хорошо... — прошептал Ванька вслед атаману.

После непродолжительных поисков Адриану удалось найти своих отпрысков, однако узнав все подробности побоев на лице Никола и о том где все таки пропадала Ольга, атаман понял, что его нагло обманули.

Нервно точа шашку, Адриан посматривал на разукрашенных казачков, которые молча ждали нагоняя в стойке «смирно». В атаманском курене воцарилась тишина.

Вдруг, в дверь постучали, и в горницу вошёл отец Ивана - Алексей Каневский.

— Здорово живешь атаман!

— Да это уж как посмотреть, Лешка. — не отрывая глаза от начищенного серебра оружия ответил Адриан. — полюбуйся на сына, каков а!

Алексей нахмурил густые брови, осматривая побитое лицо сына. Ивану досталось больше, чем Николе и Славке, поэтому даже сам Адриан останавливался на нем взгляд чаще чем на собственном сыне.

— Это ... — Алексей вопросительно посмотрел на атамана — шо... значит?

— Я позвал тебя, Алексей, шо бы ты с сыном своим погутарил. — спокойно начал Адриан, отложив шашку на скамью. — побились с моим Колькой..

Никола не стал сдавать сестру, он понимал, что при потере доверия батьки, Ольге придется не сладко. Однако заклился никогда не позволить сестре выйти за Славку. Когда же он вернулся на баз, придумал историю, в которой якобы Ольга отправилась с Пелагеей к озеру, заметив слезку брата она взбесилась. Мимо проезжал Ванька и решил составить Пелагее компанию. С Николой они сцепились словом и пустили в ход кулаки.

Поэтому Адриан даже не догадывался о предстоящей возможности породниться с казаками из соседней станицы.

— Атаман я тебя понял. — сердито качал головой Алексей. — казакам бить морды без повода - род казачий срамить!

Он повернулся к Ивану, и взяв за ворот вывел из куреня.

— Ты шо это делаешь? А?! Шо с матерью нас позоришь?! — уже на улице бесился Алексей Степанович.

— Бать ну я...

— Не батькай мне! Хватит мне здесь гутарить!

Он выпихнул сына за ворота атаманского дома.

— Ну вообще-то батька — начал Иван. — я уже взрослый казак, не малолетка! Так, шо не надо здесь...

— Шо?! Шо ты батьке будешь указывать?! Ишо какая малолетка! Ну-ка! — Алексей схватил сына за рукав и стал тащить в сторону дома.

— Батька пустите! — вырывался Иван.

Вдалеке, легким шагом показалась тонкая девичья фигура. Иван узнал Пелагею.

— Батя ну пусти же! — он вдруг стал колебаться и вертеться как змей.

— Ты чего это?! — Алексей повернулся сторону и заметил Польку — А-а-а... — протянул шепотом Степанович. — ну все ясно, шо ты так задергался, а знаешь, пусть видит хто за ней бегае, а тебе уроком будет!

Он тут же схватил сына за ухо, из-за чего Ивану пришлось пригнуться.

— Батька вы чего?! Пустите! — побитый, с красным ухом злился Ванька.

— Уже выше меня ростом! А ведёшь себя как остолоп!

— Здорово живете, Алексей Степанович... — от увиденного Пелагея немного растерялась, но все же на ее лице проскользнула улыбка.

— Здравствуй дочка! — ответил Алексей.

Иван гордо отводил глаза от Польки, в попытках вырваться из «отцовского плена».

III

Золотая степь шелестела от разрывающего ковыль ветра. Небо постепенно затягивалось осенними тучами и поило жадную землю редким дождиком. Прозрачный воздух пробирался в приоткрытые окна станичных куреней и напоминал жителям о предстоящих морозах.

Пелагея сладко сопела на мягких перинах подушки. Её золотистые пряди как устье Дона, змейкой тянулись по белой простыне. На бледные щёки падали лучики утренней блёклой от холода зари.

Её медовый дрём прервали еле слышные стуки по стеклу. Лениво открывая глаза, она осторожно поднялась с кровати и подошла к окну. Приоткрыв ставни, Польшка увидела букет, богатый на самые разные полевые цветы: её любимые ромашки, голубые васильки и даже Иванчай дополнял эту красочную охапку растений.

Пелагея сразу догадалась, кто мог так постараться. На лице показалась нежная улыбка, всё-таки ей было приятно такое внимание. Однако, она никогда не показывала снисходительности к своему воздыхателю, то ли считала это ненужным, ведь не испытывала к нему ничего кроме дружеских чувств, то ли боялась подарить ему ложную надежду.

От размышлений её отвлек появившийся, слегка растрёпанный Ванька.

— Тьфу ты! Напугал! Бесяка! — вздрогнула Польшка.

— А чего это ты пуганная такая стала? — иронично начал Иван — Шо, пристаёт хто?

— Да, пристаёт, постоянно.

— Кто? — вдруг серьёзно спросил Ванька.

— Ты!

Он облегчённо ухмыльнулся опираясь на балясины.

— Уходи лучше! Батька мой увидит, второе ухо тебе надерёт.

— Не бойсь, мои уши и не такого видали!

— Да я помню. — Пелагея засмеялась, напомнив Ивану о прошлых укорах отца.

Тот немного замялся, а затем его взгляд застыл на Польшке.

— Люблю, когда ты улыбаешься.

— Не нужно, Вань.

— Отчего? У тебя красивая улыбка.

Пелагея смущённо сжимала в руках букет полевых цветений.

— Самая красивая. — добавил Иван. Он смущённо поглядывал на длинные Пелагеины ресницы, а после растерянно отводил глаза.

Вдруг, недалеко послышались приближающиеся шаги.

Пелагея испуганно повернулась в сторону звука.

— Ну всё ясно... Недалеко ты от меня ушла сестрёнка, тоже втихаря свиданки устраиваешь. — Через низкие ветки отцветившей яблони пробиралась Ольга.

— Оль ты с ума сошла, он сам пришёл!

— Я вижу шо не приехал. — язвила Ольга прижимаясь к балясам.

— Он просто пришёл, ты же знаешь я никогда.

— Ну почему же никогда - продолжала Ольга — Ты присмотрись, жених то видный!

Иван закатил глаза:

— Ольга Адриановна, а вы куда не торопитесь часом? Может к Славику своему на озе`о - Специально прокартавил последнее слово Ванька.

— А сам-то? Слышала, вы с казаками в лагеря скоро едите. — Ольга ехидно сверкала глазами через болтавшиеся пряди русских волос. — Иди собирайся, покуда не поздно.

— Не заботься зря, я уж не малолетка, свое в лагерях отбыл. — Иван презрительно поглядывал на неожиданную гостью.

У Ольги с Ванькой были довольно противоречивые отношения: с одной стороны, она пытается навязать его Польке, ведь понимает, что он действительно один из самых достойных казаков в их станице. С другой стороны, местами он мог ее раздражать, особенно когда лез не в свои дела, как сейчас, например.

Учения у казаков-малолеток проходили нещадно. Станичный атаман Адриан выжимал все соки из моложавых, не ушедших от домашних потех казачат.

— Слыхали братцы, — прокуренным басом кликал один из старших казаков - Поговаривают война с турками намечается...Кубыть скоро повоюем с бусурманами.

— А ить не навоевался Лукич? Досе шрам от турчиной сабли не зарос!

Лукич, сузив злобно глаза, что-то буркнул, поглаживая затянувшийся с годами шрам на левой щеке. Ему уже как-то довелось махаться с турками в 20-х годах. Оставил один из янычаров след ему на лице своим клинком. Лукич не любил вспоминать свою слабость в бою, оттого и злился на односума.

— Ну шо молоднявые, — обращался второй, сияя серебром в левом ухе младший вахмистр Стенька Челубеев. — Готовы за матушку животы подрать?

— Мы ж завсегда отечеству служить! — выкрикнул один из столпившихся на стезке казачат писклявым голосом.

— Отож по тебе видно! От харчей домашних оправься сначала! — подстегнул его соседний чуть сутулый рыжеватый парнишка.

Вся толпа загудела смехом, пестрящим высокими и низкими звуками

— Полно лясы точить! Пошли б лучше коней заседлали, начинать скоро. — ругался Адриан, перешагивая через широкие зеркальные лужи.

— Атаман то наш, человек ушлый, казачатам спуска не даёт! — хвалил Адриана суховатый, с красноватым плешивевшим затылком старик. — Так ить и сапогом их задавит, если шо не так!

Иван проходил через людную площадь, местами волнующуюся будто Дон во время грозы. Сегодня он обещал отцу справиться со всей потертой и запыленной амуницией. Время близилось к полдню, поэтому Ванька прибавил темп своему широкому ходу, и ненароком задел плечом одного коренастого казачонку - малолетку из толпы.

— Тебе шо дороги мало? — злобно буркнул тот.

Иван торопливо повернул голову в его сторону, прикусывая губу, ловко увильнул за фигурами станичного люда, скопившегося на площади возле церкви.

Пелагея укладывала чистое белье в узорчатый деревянный сундук. Мать - Зосия Егоровна лукаво наблюдала как её тонкие руки, ловко справляются с каждым лоскутом, а после заговорила:

— Видела сегодня букет на кровати.

Пелагея затупилась. Часто моргая, она подняла голову и уставилась на хитрую улыбку матери.

— Это Ивана букет?

— Его, но я не причём. — соглашалась Полька

— Да что ж ты сжимаешься так? В этом ничего поганого не вижу. Любит он тебя. — с проскальзывающей улыбкой она заглядывала в глаза дочери.

Пелагея насупилась.

— Он любит, а я нет. — после этого, её движения стали более резкими, и она рывком захлопнула сундук.

Мать её была женщина дальновидная, расчётливая. В отличии от мужа она сразу разглядела в Иване добрые намерения. Сама по себе она была суховатой, тонкой в стане, со вздёрнутым, орлиным кончиком носа и жирно подведёнными бровями. Не по бабьи рассуждала о дозволенностях. Станичные казачки её не жаловали, по молодости крутила она как хотела казаками, а брат атаманец не позволял слова дурного в её сторону сказывать. Однако ж это не мешало за глаза называть её “гадюкой” и “ведьмой”. Ермилу, по прибытии в станицу нести пограничную службу (он был не из здешних мест, а из верхнего Дона) сразу приглянулась кареглазая девица. Долго он добивался её внимания, на все сплетни рукой помахивал, мол: вам лишь бы языки почесать. Зосия вовремя пригляделась к молодому уряднику, и ни разу не пожалела о выборе. Поэтому она так твердо стояла на настойчивом Ваньке.

Но Пелагея больше походила на скромного батьку, чем на хитрую и расчетливую мамашу. В отличие от смуглого по-матерински брата Дмитрия, унаследовала она отцовские золотистые волосы и серость глаз. Отчасти, и характером своим он не обделил дитятку. Оттого и не разделяла она материнской мудрости. Зосия видела это, но не ломала дочь, а лишь изредка мягко намекала присмотреться к белокурому казачку.

Ермил Гордеевич же был станичным есаулом, правой рукой атамана Адриана Сотникова, но по характеру, было в нем что-то женское, как поговаривали станичники: мягкий как баба! Однако ж это не мешало ему больше других изводить напористого до его дочери Ивана. Не разделял он любезностей в сторону Каневского от своей жены.

— Зоська! — ласково кликал Ермил свою жёнку. — Ну хорош стряпать то, распорядись Стеше, она все сделает. (Стеша была одной из нанятых работниц их хозяйства)

— Да мочи нет без дела маяться! — Зосия оторвала руки от липкого теста и посмотрела на мужа - Ну чего так на Ваньку этого ерепенишься не пойму!

Ермил тут же отвел глаза:

— Вот даже и не начинай!

— Я еще и не зачинала, — спокойно отвечала Зосия возвращаясь к измученному тесту.

— Пелагея еще не готова к вольной жизни, и к тому же нагловат этот твой Ванька!— Такой же мой, как и твой... — прошептала Зосия.

На этом разговор и завершился. Зосия не собиралась открыто перечить Ермилу, она всегда поступала по-хитрому.

“Еще сам Полю за него отдашь!” — подумала она, по-змеиному улыбаясь, все еще продолжая мучить тесто.

IV

На станичную площадь, словно табунные жеребята на прогон, сливались местные казаки и казачки. Провожали молоднявых в тренировочные лагеря. Толпа пестрила ситцевыми юбками, сливалась в однообразных казачьих мундирах, блестела начищенными обоймицами ножен шашек и громко гудела напутствиями и наказами стариков.

Ольга стояла неподалеку от отца, руку её крепко сжимал брат. Несмотря на его снисходительность, она злобно скалилась и отворачивала голову.

Ермил прощально, долго и крепко целовал жену, словно уходил на фронт. Не посмотрел Адриан, что был тот командиром пограничного отряда, а ить без есаула уехать никак не мог. Назначил проверять обозы одного из старших казаков - Константина Чернобаева, за время отсутствия Гордеевича. Не сказать, что Константин опытный, и тридцати ещё не было, но Адриан доверял ему, поскольку, казак она справный, пушай покажет на, что годен. Был он высок, бледен кожей но чернён глазами и волосами без чуба, с высоким вихрем. В станице за глаза называли его бобылем оттого, что не женился и не любил никого.

Пелагея смотрела как отец скорбно прощается с матерью, а после протянула тяжелую португею. Ермил рывком запрыгнул в седло, хватаясь за переднюю луку, и пнул коня в сторону атамана.

Зосия хитрыми восточными глазами смотрела на уезжающие брички и конные потоки казаков. Она злилась на брата, что не оставил тот её мужа в станице. Он и прежде делал все по-своему, самодур, одним словом.

Когда площадь стала практически безлюдной, Зосия заприметила подругу - жену брата, Каллисту, и просидев в её курене, вернулась лишь затемно.

Пелагея поправила бледный цветочный платок и зябко прижимая руки зашагала до дома. Проходя по знакомой тропинке, она улавливала разговоры станичников: казачки гутарили о скорой ярмарке в ближайшем городке Егорьеве, казаки спорили о сезонном покосе, где-то за дворами драли друг другу шкуры собаки да коты. Прикрывая от усталости глаза, она заметила движение: Ольга поравнявшись с сестрой громко топала каблуками, поджимая нижнюю губу. В детстве, такая мимика выдавала её обиду или недовольство, поэтому Польша сразу поняла - что-то не так.

— Ну чего ты? — подбивала плечом насупившуюся сестру.

— Батька уехал, думала вздохну...— выпалила Ольга. — Так накусь выкуси тебе Олюшка! Пелагея подняла темные материнские брови.

— Следит за мной... как кобель за овцами! Из база ни ногой, говорит...Мне его наговоры, наказы, да приказы с того дня во где! - Она махнула руками потирая воздух над головой.

— Кто?

— Николка! Кто! Чертыка усатый! Прохода мне не дает.

— Ну лучше ж чем батька бы тебя выхлест ?

— Сдурела?! Батька нас с Николкой с роду не бил. - Она минуту молча брела по дороге. — Батька уехал - сегодня точно сбегу. Пушай подавиться братец своим милосердием! Тоже мне, устроил лагеря понимаешь!

— А маманя? — Пелагея нахмурила брови

— А маменька не заметит, она хозяйством занята, а если и заметит, то найду к ней слова.

Они недолго вели разговор, на ближайшей развилке, Ольга нехотя, сдвинув брови, повернула в сторону своих ворот, у которых уже притопывая ногой стоял брат.

Иван, пригнувшись над уздой, старательно натирал мокрым лоскутом тряпки запыленный капсюль. Сводя брови, он всматривался в мелкие застывшие камушки грязи, и сильнее давил из-за чего его плечи рывком дергались, разглаживая складки рубахи.

Белёсый чуб нависал над глазами закрывая половину обзора. В лабаз визгом заскрипела дверь. От звука Иван поморщился. “ Уж сколько раз напоминал батька петли смазать. Вот тепереча мучайся!” — Думал он, ругая свою лень.

— Сынок! — раздался высокий отцовский голос. — На вот отдохни трошки, молочка попей.

Иван бросил запутанную узду, принял из отцовских рук кувшин и жадно опустошил его.

— Бать ну не пойму я никак... — начал он после питья, прикусывая кислый молочный ус. — мы же работника наняли, на шо ты меня гоняешь с этой уздой?

— Цыц! — Алексей схватил пустой кувшин. — Совсем распластaeшься, ежели гонять не буду, в отряде ты ить не самый - самый!

— Батька ну вы же знаете в чем там дело! — вернувшись к тряпке не оборачиваясь к отцу оправдывался Иван.

— Да вот именно! Уже мочи нет краснеть за тебя!— Алексей поглаживал кудрявый чуб, и уже спокойнее заговорил. — Ермил Гордеич скоро глотку так сорвет ругаться...ну присмотришь ты к другим, ну много же казачек вокруг тебя ходют! Вон Манька Иванищева как по тебе сохнет!

Иван резко обернулся и заглядывая отцу в глаза выпалил:

— Смерти моей шо ли хотите, батяна? Лучше утоплюсь!

— Ты мне тут не дерзи! Ишь утоплюсь! Девка ты что ли?! — Алексей заглядывал сыну за спину.

— А я говорю утоплюсь! — продолжал скалиться Ванька.

— Ну дерзи, дерзи батьке родному, дерзи! А дочка Ермиловская за тебя всё равно не пойдёт!

— Ну значит... — Иван оторвался от тряпки и поднял голову вверх. — Буду один! Сычом жить!

— Ты мне это брось! — Алексей Степанович замахал указательным пальцем. — Шиш тебе сынок! Тогда уж либо добивайся, либо сам тебе кого нить сыщу!

— Батька вы мой выбор знаете, либо с ней, либо ни с кем.

— Ну ка цыц с батькой спорить, ешо молоко на губах не обсохло, разберёмся.

Иван следил за уходящим отцом, вытирая с губ молоко. Ругаясь про себя он продолжил натирать пыльные ремешки уздечки.

По ранней заре, слепившей блеском запыленные стекла окон, нарушил отец сладкий дрём Ваньки. Ленивой походкой, подтягивая синие лампасные шаровары, он заседлал Сивку и двинулся в сторону околицы.

Выезжая к месту построения, он встретил не менее потрепанного утренними сборами Константина.

Качаясь в седле он поравнялся с его жеребцом. Одолело любопытство.

— Костик, а ты куды в такую рань? — прохрипел Иван

Константин, кусая короткий черный ус, направил взгляд к двум тонким ольхам. Устало закрывая глаза, он выговорил:

— Туды куда и ты...

— Я то на дозор утренний, контрабанду ловим. — Кивал головой Иван

— Ну вот и я ловить.

— Так ты ж не состоишь в отряде, или поменялось шо то...?

— Поменялось, пока Ермил Гордеевич в лагерях я за него.

Иван нахмурился и обвел взглядом качающуюся фигуру Кости.

— Это как так? С какого ляду он тебя к нам приставил?

— Атаман меня приставил, Адриан Егорыч. — протяжно отвечал Константин

— А с отрядом значит не посоветовался...

Поджимая губы, Иван погнал Сиву намётом обгоняя Константина.

Возле небольшого, местами потрепанного лабаза толпились и курили казаки.

— Глядите! — защищаясь рукой от пролива утреннего солнца, начал служивший в отряде Сеня Бобрин. — Ванёк то опять прозоревался! Дюже опаздывать любит!

— Небось батек плеткой будил сына!

Посыпался грубый гогот вперемешку с издевками.

— А хто это с ним братцы, гляньте! — заметил другой, с расщелиной в зубах Васька Сеницын. — позади плетётся

— Гордеич должно быть.

— Ты че нахлоукался уже с утраца? Он в лагеря вчера умотал.

Подъезжая, Константин соскочил с коня.

— Стройся казаки! Чего расселись!

— А че это ты раскомандовался?! — недовольно, топчя сигарку, выговорил светло-русый казачок.

— За время отсутствия Ермила Гордеевича, атаманом назначен я вами командовать.

Казаки стали недовольно переглядываться и бурчать свои возмущения.

— Шо это с нами не погугарили?

— Не выбирали мы тебя в командиры!

— Шо ж теперь каждого над нами ставить в начальство будут!

— Не согласные мы!

— А ну хватит! — Фельдфебельским басом проорал Костя. — Вам что здесь харчевня, аль гульба?! Хочу - не хочу! На базу свои норовы проявляйте!

Гудящая толпа резко вздыбилась, и молча уставилась на рвущего глотку Константина.

— Казаки! Братцы! Не хорошо получилось, знаю! Но не будем как бабы базарные петушиться! Времена нынче не лёгкие, каждый обоз да бричку обнюхивать нужно!

Ещё несколько раз выскальзывали возмущения, но вскоре гул сменился на смиренное молчание.

Сборище стало ровняться и выстроилось по обыденной линии.

В отличии от остальных донцев Иван не собирался бунтовать против временного начальства. Была ему на руку такая смена. Отсутствие Ермила Гордеевича давало ему возможность чаще видится с Пелагеей, без опасений получить нагоняев от командира.

V

Пелагея, затарившись в местной лавке утварью, гуляла по наливающейся золотом станице. Проходя мимо атаманского забора, она заметила сидящую на цепных качелях Ольгу, которая на первый взгляд выглядела весьма оживлённой для своего положения. Беззаботно качаясь, она щёлкала ртом семечки позднего подсолнуха. Пелагея обхватила рукой корзину и отворив дверцу ворот, прошла на баз.

— Здорово ночевала сестрица! — улыбаясь, Полька зашагала по мокрой траве.

Ольга, щурясь, повернула голову в сторону Пелагеи и горько подметила:

— Хуже некуда ночевала! — она злостно сплюнула шкурку от семечек.

— Что не вышло твоё свидание? — переменявшись, догадалась Пелагея.

— Не вышло! Никола меня запер! Бобыль! Сам никого не любит и другим не даёт!

— Да... тяжкая у тебя жизнь началась...

— Тяжкая...? Мучительная жизнь! — Ольга пнула шагающую по базу курицу, та вздыбилась и отлетела, издавая куриные визги.

Пелагея проследила за шлейфом пыли от куриных лап и заговорила:

— Ну скажи шо... жить без него не могу! Мол, утоплюсь...

Ольга рывком повернула голову и вцепилась в цепи качелей.

— Да он меня сам утопит... скоро — прошипела она сквозь зубы.

Вдруг, сощуривав коршунские глаза Ольга подозвала Пелагею:

— Слухай, Полька, родная, а сделай доброе дело!

Пелагея с любопытством глядела в сестринские прорези глаз.

— Вечером, отвлеки братца, а я ноги сделаю а?

— Оль ты меня вместе с собой закопать решила? — Пелагея изумлённо выпучила глаза.

— Ну пожалуйста! Тебе одной доверяю!

— Ага, ты со Славиком своим ворковать будешь, а я тут за тебя отхватывать?

— А-а-а-а... Все ясно с тобой. — поджав губы обиделась Ольга. — Я теперь всё сделаю шо бы Иван от тебя до самой старости не отлип! Будешь от него с палочкой бегать!

Пелагея злобно сдвинула брови.

— Ты чего это?

— А ничего! — Ольга исподлобья скалилась на сестру. — Ни мне, ни тебе счастья, о как!

Полька недолго спорила и колебалась, а после согласилась. Вечером, сговорились отвлечь Николая и незаметно выпустить невольницу.

Вечер наступил быстро. Густые сумерки одеялом накрыли станичные улицы. Никола зажег керосиновую лампу и взяв подвес, прошел к комнате сестры. Незаметно приоткрыв дверь, он увидел привычную фигуру одеяла.

— Ну и ухо девка! — прошептал брат, решив, что Ольга мирно наслаждается сном.

Шибко Никола проглядел сестру, бежала она куницей тайными тропками, прикрываясь цветным шерстяным платком от вечерней стужи.

Пелагея, медленно вылезая из-под тяжелого одеяла, тихо прокралась к окну и спрыгнула на холодную землю. Пока выжидала она дрема атаманского куреня, вся станица погрузилась в непроглядную темень. Лишь серебряный рог луны скудно освещал переулки, изредка пробираясь сквозь тучи.

После тяжелого служивого дня, Сива лениво перебирала усталые ноги, под таким же утомившемся Ванькой. Прикрывая липкие веки, он левой рукой придерживал ремень скользившего по спине ружья. Проезжая соседский курень, Иван заметил движение в кустах.

“Заныкался кто? На зверье не похоже, должно быть чужой в станице!” — Промелькнула у него недобрая мысль.

Схватив ружье, он направил мушку в сторону звуков, придерживая указательный палец на спусковом крючке.

— Стоять! — басовито прокричал Иван.

Вдруг, шевеление прекратилось. Иван медленной рысью погнал кобылу к кустам, заслоняющим белую хату.

Приближаясь, он разглядел до боли знакомый светлый платок. Спрыгнув с лошади, Ванька осторожно подошёл к веткам. Обходя куст, он наткнулся на Пелагею отряхивающую от репейника юбку.

— Поля... ты... — Оторопел Ванька.

— Не стреляй! — выпалила Пелагея.

Иван, встрепенулся, посмотрел на ружьё и виновато, быстро убрал его за спину.

— Полька, а ты шо делаешь здесь...одна. — Ванька огляделся, сам не понимая, что высматривает.

— Ты меня не видел!

Иван несколько изумился. Он пытался понять, что могло заставить Польку в столь позднее время прятаться в кустах.

— А что происходит? Почему ты в репьях ползаешь, да ещё и по темноте?..

— Ничего не происходит! Если ты мне друг, то ты меня не видел! — шипела Пелагея

Иван задумчиво теребил ремешок от ружья на плече.

— А! Я понял...

Пелагея заметно напряглась. Неужели он догадался? Хоть бы не растрепал кому!

— Поля, тебя так от наливки понесло? — ухахатывался Иван, оголяя ряд белых зубов.

— Шо, с Ольгой гульнуть решили помаленьку?

— Полька! — раздалась трески опавших веток, с шипениями мокрых листьев.

Ольга, кутаясь в накидку подошла к кусту репейника.

— Ты чё вернулась? Ты ж со Славкой должна быть!

— Со Славкой? — изумился Ванька.

— Уже увиделись... А он шо здесь делает? — Ольга просунула голову сквозь редкие ветки куста. — Увязался что ли? Или... — Она растянулась в широкой улыбке. — Я к Славику, а ты к Ваньке... ну сестра... а говорила не люб...

— Он сам пришёл!

— Недавно я это уже слышала. — ехидничала Ольга.

— Всё! Я домой! — Пелагея выбралась из-за кустов. — Меня мать с братом саму дома закроют, если заметят, пустую койку!

— Поль, куда одна-то? Поздно! Я провожу! — кинулся за ней Иван.

Пелагея не стала возражать Ванькиным порывам, ей действительно было жутко от одиночества в густой темноте. Придерживая Сиву за повод, изредка сталкиваясь случайными взглядами, Иван довёл Польку прямо до хаты.

— Ну, спасибо, — подходя к входной двери обернулась Пелагея. — Дальше я сама.

— Поля... — он вглядывался в её стеклянные глаза. Возникло неловкое молчание. За плетнём заржала Сива, ожидая смущённого хозяина. Иван приподнялся на ступеньке. Медленно приближаясь, его губы жаром обдали Пелагею. Спустя несколько секунд она отпрянула к перилам, а после всматриваясь в испуганные глаза Ивана, с обидой хлестанула его по щеке.

— Поля! Прости! — придерживая румяную от шлепка щеку, изумлялся от своей глупости Ванька. Пелагея вбежала по скрипучим ступенькам и грубо захлопнула дверь.

“Дурак!” — ругался он про себя.

Яркое солнце выжигало бликами рыжие гривы уставших лошадей. Коренастый мерин тянул за собой тяжелую телегу, набитую горкой гостинцев из городской ярмарки. Укутанная в летний платок Людка, живо хлестала вожжами коня по заросшим виляющим бокам. Колеса повозки местами проваливались в грязные лужи, обдавая брызгами высохшую травку.

Пелагея уступила дорогу главной обладательнице длинного языка, но не успела увернуться от выдавленных из-под колёс капель грязи, щедро налегающих на её синеватую юбку.

Людка презрительно захохотала, бесстыдно бросая взгляд на Польшку.

“Сука старая!” — думала про себя Пелагея, пытаясь хоть немного очистить юбку от новой парочки. Станичные бабы не любили её так же, как и мать. Хотя, на удивление, о былой наглости Ивана возле её дома, в станице никто не судачил. Должно быть просто не видели, ведь такую на редкость богатую на пересуды сплетню трудно было не перемолоть языками.

Из собственных дум её вывело внезапное появление давней знакомой — Аньки Золотарёвой. В детстве была у них с Ольгой большая компания девчат, с которыми они коротали беззаботные дни. Со временем, по мере взросления, подруги стали расходиться и плотно поддерживать общение удалось лишь с одной, зеленоглазой с белыми как снег волосами Анкой.

Была она чрезмерно весела, и даже на первый взгляд могла показаться глупой. Однако ж из близкого круга никто её таковой не считал, лишь Ольга изредка могла по-доброму обсмеять.

Пелагея оторвала скорбный взгляд от потрёпанной юбки.

— Польшк, здарова!

— Здравствуй. — она не была расположена вести беседу.

— Слыхала новость? — всё также весело продолжала Анка. — Наши из лагерей возвращаются!

— Когда? Ещё ж полторы недели...

— Так через полторы и возвращаются!

— И это новости?

— Ну... ещё Ольку на озере с кем-то наемдни видали!

Пелагея подняла тревожный взгляд на Аньку:

— С кем? Когда?

— Та не знаю с кем, вроде не из наших, так чё врут думаешь?

— Конечно! Ты же знаешь наших куриц! Лишь бы языками почесать!

Анька отвернула взгляд на идущую мимо них казачку, одетую в помятую, из розового ситца блузу с длинной оборкой.

— Маня! Чё идёшь не здороваешься?

— Здравствуй - Холодно протянула Манька.

Не от характера была её холодность, сама по себе она довольно мягкий и даже местами безвольный человек. Дело было в другом: больно симпатичен ей Иван и уж шибко ненавистна Пелагея. Оттого и не стала она подходить к зазывающей Анке. Жгучая ревность душило ей глотку, при виде станичной соседки. Много раз пыталась она приманить к себе Ваньку, но тот даже не смотрел в её сторону. Однажды спустились казаки к Дону порыбалить, Алексей Каневский взял с собой сына. Прознав это, Манька побежала к реке, выждала время и нарочно стала тонуть. На помощь ринулись станичники, однако ей нужен был лишь один. Завидев плывущего на помощь Ивана, она на радостях стала плыть навстречу и кинулась на шею. Ванька, заметив обман, обругал её и вернулся на берег. Вот тут то все узнали о чувствах Маньки Иванищевой к белокурому казачку. Долго не могла она смыть “речной” позор, оставивший след дёгтя на ее имени. Однако с того момента стала она в открытую бегать за казачком, отравляя его и без того не сладкую жизнь.

Анька же не собиралась оставлять знакомую зазнобу без внимания:

— Айда с нами вечером на гулянку!

— Не до гульбы! Дел много! У меня ж работников нет, не белоручка какая-нибудь! — Бросал она злобный взгляд на Польку - К труду приучена.

— Ну добро! Свидимся ещё!

Манька скрылась за хатами, и станичным гулом.

Пелагея даже не обратила внимания на подколы рыжей девицы. Она не видела в ней ни соперницу, ни врага или друга. Просто Маня, просто беситься.

Коротко попрощавшись с приставучей подругой, она торопливо зашагала в сторону дома.

Открывая калитку она услышала стук лошадиных копыт.

Спрыгивая с лошади, к ней подбежал Иван. Его походка была неуверенной, но он старлся выглядеть как можно мужественней.

Пелагея застыла у приоткрытой дверцы ворот, в ожидании.

— Здравствуй Поль... — басовито прохрипел Ванька. — Я хочу извиниться за свой скудоумный поступок! Я был слишком резок...

— Извини, мне нужно идти...

— Пстой! — Иван схватил ускользящее Пелагеино запястье. — Поля давай поговорим! Я не могу так... ты меня уже три дня избегаешь...

— Поговорим о чём? — она резко затараторила. — О твоих желаниях, о тебе поговорим?

Иван изумлённо следил за ее бегающими глазами.

— А о том шо я чувствую не будем говорить? О том какого мне было от твоей “резкости”?... Ты говоришь, что любишь меня, но на деле думаешь только о себе! Тебе плевать на меня и мои чувства! Всего - то хотелось утешиться! Ты эгоист, Ванечка!

Иван глубоко вздохнул, широко раздвигая ноздри, а после твердо заговорил:

— Я обещаю тебе... что больше не позволю себе такого...

Пелагея, поджимая искусанные губы смотрела в его виноватые глаза, скрывающиеся под густыми ресницами.

— Ну прости ты меня! - продолжал Иван. — Ну всё для тебя сделаю!

— Никому не рассказывай про Олю со Славой, тем более Андриану Егорычу.

— Та мне по что это? — изумился Ванька. — это её дело...не собирался я никому ничего говорить...

— Ну раз так, то... я тебя прощаю... Иван, мне пора.

Она зашла за калитку и каким-то несвойственным ей взглядом посмотрела на друга. Ванька проследил за её тонкой как хворост фигурой, и медленно затоптал рыжую листву под ногами. Взираясь в седло, он вскинул голову на подбежавшую Маньку.

— Ваня, здравствуй! — поглаживая, запрокидывающую голову Сивы, она наливалась краской.

— Здорово Марийка. — нехотя ответил Иван, проседая в седле.

— А куда едешь? — по собачьи заглядывала на него Маня.

— На службу еду... Ты не сердися, мне пора...От Сивы лучше отойди...

Маня непонимающе уставилась на Ивана.

— Укусить может. — продолжал он. — я её с утра не кормил, не поил.

Иван развернул кобылу, а после налётом погнал через станицу, оставив Маньку в одиночестве.

— Олюшка, ну не кручинься! — гладил Ольгу Славик по гладким плечам, обтянутым лазурной блузкой.

— Не выдаст батька, нутром чую! — она сильнее прижималась к рыжему казаку.

— А брат шо? До сих пор беситься?

— Да пусть беситься! Мне то, что! Никогда не станет мне помехой! — она сделала глубокий вдох. — Больше за отца думаю, вот где препятствие!

Они сидели в обнимку, на околице Славкиной станицы. Ольга жадно зарывалась в белую рубаху своего дружочка, качая ногами с высокой деревянной скамьи. На его побуревший вислый чуб налегали солнечные блики, выжигая волос. Славик всегда был особо терпелив и нежен к атаманской дочери, казалось, что любую её глупость стерпит.

Их первая встреча произошла, когда казаков-малолеток с нескольких станиц свозили на состязания по рубке и джигитовке. Ольге сразу приглянулся резвый чубатый казак. Со временем стал он сам навещать станицу, дабы столкнуться с кареглазой девушкой. Особо прозорливые казачки, сразу заметили, соседского паренька, потом уж, и вовсе наблюдали их свиданки полоская тряпки у озера. Однако ж как не стыдили они Ольгу, та находила чем закрыть рты и обеспечить молчание бабьих языков. Оттого и не догадывался Адриан Егорович о гулянках дочери.

Ольга взяла руку Славика и водила указательным пальцем по его ладони.

Славик гладил её светлую макушку волос.

— Скоро батька возвращается... пора заканчивать с этими прятками... — продолжала Ольга.

Слава щурясь, всматривался в синеву горизонта.

— Если уж, так не втерпёшь тебе, поеду свататься.

— Та я то чё... по станице молва идёт... если до батеньки доберётся раньше тебя, кубыть в монастырь меня пошлёт!

— Олька, ну ты как ляпнешь! — Славик потер слипавшиеся от солнца глаза. — Ты ж его единственная дочь, смилуется!

Ольга приподняла голову и прощально зацеловала румяные щёки рыжего дружочка.

— Пора мне, Славочка...

Она неспешно и даже нехотя поднялась со скамьи. Закуталась в тёплый платок и не оборачиваясь, побежала до станицы.

Пробежав небольшой мост, Ольга вышла на знакомую стёжку. Рядом с ней поравнялась скрипучая телега.

— Куды идёшь красавица? — заговорил помятый, в запыленном жилете незнакомый ей мужчина средних лет.

— А вам по что? Вы я как вижу не из наших. — Ольга слегка сконфузилась.

— Не из “наших”! — он махнул вожжами, что бы успеть за быстрой казачкой. — Ну давай подвезу что-ли?

Он лукаво осматривал молодую, свежую девушку. Рывком повернув лошадь, незнакомец преградил Ольге дорогу.

Она отскочила в сторону, но мужчина схватил ее за руку.

— Помогите! Славик! — пытаюсь вырваться, вопила Ольга.

Послышался гул мужских голосов, вперемешку с фырканием лошадей.

— Стоять! Кто таков? — раздался приближающийся бас.

Незнакомец, увидев казачий отряд, тут же отпрянул от девушки и впопыхах вскочил на телегу, пытаюсь развернуть лошадь.

Один из казаков, прыгая с лошади грубо схватил его за загибок одежды.

— А ну! Куды собрался!

— Братцы, да вы чего? — краснея, с вылупленными глазами, растерялся мужик.

— Какие мы тебе братцы?! Мужичьё! — выпалил Иван, подгоняя Сиву к телеге.

Константин соскочил с коня и подошёл к испуганной Ольге.

— Ты что здесь делаешь?

— И тебе здравствуй Костик! - Недовольно ответила Ольга.

— Почему одна идёшь через степь? А если бы мы не поспели?! Шо бы батьке твоему сказал? — спрашивал он, повышая голос.

— Так вас именно это волнует, Константин? Перед батькой моим выслужиться? Мог бы тогда и не спасать!

— Что за чушь городишь! Какого ты Славика звала? Опять начала? Самой не зазорно? Позор такой на атамана валишь! — Константина удивляла безалаберность атаманской дочери.

— Это вообще не твоё дело! — Скалилась Ольга.

Константин повернулся к казакам.

— Романыч, чё делать то с ним? — Васька рукой махнул на перепуганного мужика.

— Отпустите, чё взять то с него. — Отвечал Костя. Он подошёл к телеге, проверил содержимое мешков, а после приблизился к торговцу. — Но если ешо раз тебя увижу, ответишь за свои руки! - Он злобно сощурил глаза и пнул сапогом повозку.

Мужик тут же вскочил за вожжи и захлопал лошадь по бокам.

— Спасибо казаки, редкостный вы народ... — последнее он выговорил с ухмылкой, потирая рукавом мокрый от пота лоб.

Его телега визгами подняла пыльный дым, отчего у казачьих лошадей слипались глаза.

Константин вернулся к Ольге и схватил ее за рукав.

— Скоро вернусь братцы! Коня моего подержите! — обращался он к отряду.

Иван ехидно улыбаясь, следил как Ольга вырывалась из крепкой руки командира. Он давно заметил как меняется Константин при виде атаманской дочери, однако счёл нужным держать это в тайне.

Ольга и Костя шли молча, лишь иногда она озиралась по сторонам и дёргала рукой, которую крепко сжимал ненавистный ей казак.

Отворяя калитку, Константин прошёл во двор и лишь перед входной дверью отпустил Ольгино запястье.

— Костик, здравствуй! — тепло встречала урядника Каллиста, проходящая через двор.

— И вам не хворать, Каллиста Григорьевна! — он переглянулся с надутой Ольгой, та замахала головой. — проезжал мимо, дай думаю загляну, проведаю вас!

— Ой ну эт дело доброе! — улыбалась атаманша. — Может отобедаешь, у нас Глашка такого кулеша наварила!

— Та вы знаете, я ж на чуток! — он снова посмотрел на скалившуюся Ольгу. — На службу ехать надо.

— А, ну раз так, то нехай! — Каллиста всё так же тепло махнула рукой и отворила дверцу ворот. — Но ты ж всё равно, заглядывай к нам!

— Как-нибудь! — Костя зашел за ворота и снова обернулся на Ольгу, а после быстрым шагом пошёл по станичной дороге.

Ольга же презрительно глядела ему вслед. До этого дня она относилась к нему достаточно холодно, теперь же горячо ненавидела. Не в праве был он её судить! Слишком много на себя взял! Думал, раз батька командиром назначил, так всё можно теперь? Она ему не казак из отряда, ещё покажет зубы.

Константин вернулся быстро. Казаки сидели поодаль пасущихся лошадей и курили, что-то бурно обсуждая.

— Да говорю я вам! Братцы, вот такая вот псина! С меня ростом! Точно оборотень!

— Ну и брешешь ты Сенька! — усмехался над ним Митька, выдыхая клубок дыма.

— Ей Богу! Вот вам крест! — зарекался тот. — Вся мохнатая, а глазища...ух и злющие...

И тут все в голос засмеялись.

Иван лишь краем уха слушал брехню сослуживца о якобы лесном оборотне, что ночью пугает станичный народ, и крутил в зубах луговой клевер.

— Чего расселись! По коням! — подбегал к отдыхающим Константин.

— А чего это вы ваше благородие так быстро? — ехидничал Митька.

— Шо не любы Ольге Адриановне? — подстрекал черноволосый безусый казак Федька Дубровин.

Константин молча подошёл к жующему травы коню и вскочил на седло.

— Да хорош вам уже! — выплевывая полевой цветок, вмешался Ванька. — Сами то не без греха! — Он рывком запрыгнул на Сиву.

— Ну ты Ванёк то тоже! Понятное дело! Не без греха! А! — подколот его в ответ Федька. — Полька то тебя тоже не жалуёт!

Иван ничего не ответил на его шутки.

— Правда, хорош уже! — защищал друга Митька.

Константин, подбивая коня по боку, обратился к сослуживцам:

— За языками следить надо! Особенно казакам! А ну быстро сигарки затушили и запрыгнули в сёдла!

— Та ладно Костя, мы ж по-доброму! — оторопел Митька и посмотрел на крутившего в его адрес около виска Ивана.

Костя молча погнал коня намётом по степной дороге. Казаки змейкой потянулись следом.

VI

На мягких, чистых перинах широко разложилась фигура Валеры. Подложив под голову руки, он вскинул длинные ноги на спинку кровати не снимая сапог.

— Ишо не стряпалася, рыжая? — обращался он к сестре.

— А тебе то чё? Хоть бы сапоги снял, грязюку разносишь. — отвечала ему Лизка, расчесывая выющуюся капну волос.

Валера ленивым движением скинул сапог на середину комнаты, разбрасывая комки земли с подошвы.

— Ну шо делаешь то! Чертина! Забрызгал ведь! Иди отсель покуда не вдарила! — Привстав с табурета ругалась Лизавета.

— Ишь ты! “Вдарила”! — насмеялся Валера. — Для кого красуешься? Опять приглянулся кто? Небось и с братом старшим не посоветуешься?

— Много чести — она еще сильнее начала драть волосы гребнем.

— А слыхала? Славка то наш за сваты гутарит! Тоже мне жоних атаманский!

— Ты то от него не далече ушёл! — отвечала ему сестра, всматриваясь в свое отражение. — На есаульскую дочь замахнулся! — она повернулась к брату. — та она на тебя и не глядит!

— Да ерепениться просто! Несноная девка! И не таких брали!

— Да? А с дружкой её тоже справишься? Он говорят, дюже резвый, как Славика твоего разукрасил!

— Славку? Так это ж он сам, когда крышу латал.

Лизка ехидно улыбнулась и снова повернулась к Валере:

— Это тебе он так сказал, а на деле видал мой Никифор, когда коня поил.

— Шо видал то? — привстав с койки выпытывал Валера.

— Как этот Ванька бешеный Славку лупасил! — на лице растянулась улыбка и она презрительно рассмеялась. — Да не один, там ешо кто-то был, вообще отхватал твой дружок по шее!

— Ты на шо сестра намёки делаешь? — брови Валеры стало непроизвольно изгибаться. — Шо отхвачу также? Да я сын атаманский! Я этого кудрявого цыплёнка вмиг пополам сложу!

Лизка тут же расхохоталась.

— Да ты себя то видел! Он ж на две головы выше тебя!

Валера рывком поднялся с кровати и подошёл к порогу комнаты.

— Это ты о себе сестрица лучше думай! А кого мне голубить я сам решу...и никакие Ваньки мне не помеха!

Закончив, он вышел из комнаты и показушно грубо захлопнул дверь, заставив сестру вздрогнуть от шума.

Не мог он принять такой правды. Ему же почти каждая девка в рот заглядывает! А тут... Ну он ещё покажет свою статью, ещё утрёт Ивашке нос.

Не хотел признавать, что не нужна ему Пелагея, просто задела её непокорность. Он решил пока схорониться, не мельтешить перед есауловской дочкой... подождёт подходящее время.

Станица наливалась золотом, блестела, пестрила красками, поила землю дождями, а после вихрями ветра сушила истоптанную траву.

Небо серело, темнело и выбивало остатки тепла, закрывая тучами последние лучи солнца.

Ольга всё также бегала к Славике, не стыдясь станичных глаз. Не страдала она за ним, просто любила, легко и непринуждённо. Своими поступками, она вгоняла Пелагею в краску:

было той весело и в тоже время зазорно смотреть как сестра носиться к своему жениху. Непонятен ей был такой риск, тем более не от большого ума Славик не сватался к Ольге.

Даже с Иваном случалось ей обсуждать Ольгину глупость.

После его резкости Польшка не шибко с ним гутарила, оттого стал Ванька часто навещать к её брату Митьке: то табачку одолжить, то время скоротать. Разное приходилось выдумывать, а всё ж сработало, загладилось со временем. Стала Польшка как раньше, весела и легка рядом с белёсым казаком.

Константин по-прежнему был строгим и не богатым на доброе слово. При этом был вовсе не злым...Смерть отца на войне убила в нём радость. Он и сам там был, видел, как забирает она людские души, но всё же перекошило его от той похоронки, сердце стало каменным, а на лице застряла...не тоска, а отрешённость. Константин и прежде не хвастался улыбочивым нравом, а после совсем охладел. Однако ж, не понимали его казаки, считали зловредным, но в тоже время уважали за казацкую удаль.

Приближался конец месяца, совсем скоро, в станичные ворота должны будут застучать вернувшиеся качающиеся брички, измотанные нагрузками лошадиные ноги, с такими же уставшими всадниками.

Пелагея стояла около массивного вороного мерина брата и чесала его жёсткую гриву. Она безумно любила лошадей, казалось, это была единственная страсть, или же был ещё кто-то, кто мог вогнать её в краску? Нет. Польшка лишь в ранние годы была влюблена в одного станичного светленького казачонка Никитку, однако ж со временем тот ей совсем разонравился... Слишком уж задирист и волен на словцо. Не терпела она грубостей, в семье с ней всегда были особо ласковы, оттого она наивно ждала подобного отношения и за пределами двора. Из всех казаков единственным другом она считала лишь Ваньку, хоть в детстве они вовсе и не были таковыми. Однажды учил он драться Пелагею по-казацки, смеялся над её девчоночьей слабостью, а получив в глаз надулся и более с ней не водился. Постепенно, взрослея случилось у него просветление, и с того момента Иван не отлипал от бедной Польшки. Она же не давала ему никаких надежд, просто определила в друзья и не более.

Поглаживая Митькиного мерина Буяна, она тоскливо глядела на приоткрытые дворовые ворота. Пелагея скучала по батьке, поэтому старалась отвлечься домашними делами, то матери помочь, то прислуге распорядиться, то на конюшне о лошадях справиться.

Оттирая выгоревшие от солнца конские бедра, Польшка чувствовала, как взлетающая пыль щипала глаза, душила горло. Покончив с уходом, она легким жестом погладила ласкового мерина.

— Пелагея Ермиловна! Вы чай пригорюнили, а? — подъезжая к плетню голосил Иван.

— Ба!... А чего так по-гусарски, Иван Алексеевич? — прикрывалась от солнца Пелагея.

— Польш, хошь на Сиве покатаю?

— Иван тебе заняться нечем? Батьки нет, ты Ваньку-дурачка валяешь? — Пелагея подошла к плетню и протянула руку, поглаживала морду Сивы. — Костя видать совсем с вами не справляется?

Золотистая кобыла переминалась с ноги на ногу, покорно протягивая морду под Польшкину ладонь.

— Ты смотри... — Заметил Иван, наблюдая за Пелагеей. - Никому морду кроме меня не даёт, а тебе вот даёт...может знак, а?

— Иван, ты б хоть овса ей дал, уже всё железо сжевала...

— Да видать расслабилась, ей с тобой хорошо... как и мне. — Иван, запрокидывая голову от нависшего чуба, растянулся в привычной улыбке. Вдруг, кобыла, наострив уши, резко постукивая передним копытом, бросилась в сторону. Иван ухватился за переднюю луку седла, но соскользнул и ударился о сырую землю.

— Ваня! — от неожиданного падения Ваньки, Польша прикрыла разинувший рот рукой
- Ты как?

Иван тяжело поднялся, потирая пострадавшее бедро ладонью.

— От же ш Сива! — шутившись от ноющей боли, он направил взгляд под ноги кобылы и заметил бурую белку, шаркающую возле опавших желудей. — Белки испужалась!

— Белка? — нахмурилась Польша.

— Да вот, сидит возле плетня. — он указал рукой на плетень возле Полькиных ног.

Пелагея опустила голову, а после с испуганным визгом отпрянула в сторону.

— Поль ты чего? — изумился такой реакции Ванька. — Как Сивка моя?

— Я...я не люблю белок! В детстве видала, как одна дядьку Прокофия покусала! Царствие ему небесное!

— Ну так он ж год назад преставился! Не от белки же! — ухахатывался Иван.

— Всё тебе смех! — обиделась Польша.

— Поль ну прости... — сдерживая хохот, виновато извинялся Ванька. - здорово дневали Зосия Егоровна!

Пелагея обернулась на двор и увидела широко шагающую к ним мать. Её движения были резкими, а в руке болталось белое полотенце. От этого Польше сперва подумалось, будто мать чем-то недовольна, но разглядев её еле заметную улыбку, такие подозрения пропали.

— Слава Богу Ванечка! — приближаясь к дочери, отвечала Зосия. — Чего ж как неприкаянный, за плетнём мечешься. — Она повернулась к Пелагее — Чего ж гостя не приглашаешь? Милости просим!

Пелагея скривила лицо в недовольной ухмылке.

— Да какие почести! Я так на минуточку! Мимо ехал просто...

— Ну как знаешь. — Зосия Егоровна махнула полотенцем. — Поля зайди в дом, вишь небо затягивается, вот - вот ливанёт.

Пелагея, сводя намазанные брови, поправила полы коралловой кохты и медленно зашаркала по опавшим листьям.

Зосия наблюдала за скованностью возмужавшего Ваньки, как ни бранила его Польша, как ни посмеивалась над его выходками, а всё ж никогда не переминалась его нежность. Уж шибко подходил он на роль зятя: податливый, заботливый, щедрый. Такие нынче не в избытке. Однако дочь больше придерживалась батьки, хотела подольше посидеть у родительского подола, оттого боялась мать проглядеть такую удачную партию.

— Иван, смотрю зачистил ты к нам! — Зосия сверкнула хитрыми глазами. — всё чего-то трёшься...

Иван, подбирая повод, затупился, но желая показаться более взрослым по-индюшечьи выпрямил спину.

— Зосия Егоровна, я ж по-дружески заехал, смотрю Поля смурная, думаю мож захворала... — скованно отвечал Ванька.

— Она такая всегда, с детства лицо недовольное. — Зосия обернулась на Польшу, ждущую мать на крыльце. — Ну поезжай, Ванюша, вон гроза собирается, если шо, заходи.

Ванька пробормотал что-то на прощанье и успокаивая буйную кобылу вскочил на седло.

Не понимал он Полькину мать, думал, как и Гордеевич, должна глазами бранить, а оно, кажется, наоборот выходит...Хоть бы на Польшу не влияла как батёк.

VII

Плотные серые тучи лишили и без того зябкий сентябрь последних тёплых лучей. Запряжённый в тяжелую бричку мерин, медленно шаркал по мокрым опавшим листьям, временами фыркая от влажности.

Адриан вертел губами горькую сигарку и лениво обводил взглядом сослуживцев.

— Долго ешо трястись? — обращался он к Стеньке, правящего вожжами.

— Да вёрст девять, атаман, тут ж такие замесы с лужами, распутица чертова! — не обращиваясь, отвечал вахмистр.

Адриан устало потер виски. Долгая тряска и бесконечные думы о непутёвом сыне изрядно истощили его. Надумал он женить норовистого Николу. Ему казалось, что семейная жизнь приведёт его в чувства, а там уж и Ольге кого-нибудь подберёт. Не догадывался атаман о дочернем выборе и о её позорных свиданках у озера.

Докурив, Адриан растянулся и закемарил до конца пути.

К вечеру запыленные брички уже въезжали в станичные ворота. Адриан подтянул натирющую португею и попрощавшись с казаками зашёл в дом.

Каллиста радостно встретила мужа, вдоволь накормив и расспросив о прошедших заботах. А вот Ольга не шибко радовалась такому скорому отцовскому возвращению, и причиной тому были вовсе не бабьи сплетни о её связи со Славиком. Нет. К тому же Адриан никогда не придавал особого значения бабьим языкам. Ольгу пугала непримиримость брата. Уж кто, а он точно сделает все, чтобы выставить Славку пред батькой в худшем свете. Не допустит он их свадьбы, настроит отца и про драку признается.

Несколько дней Ольга ходила понурая. Она не знала как подойти к батьке, как начать этот нелепый разговор, ведь Славик не торопиться заявиться сам, а значит Ольге нужно снова всё придумать самой.

Трусость, однако, победила.

“ Раз Славик не соизволил заявиться, то и мне нечего одной позорится! Пока Николка молчит, можно и время потянуть”. — решила про себя Ольга. И это действительно показалось выходом, но лишь на некоторое время.

В отличии от бесхребетного Славы Иван вовсю продолжал навещать к Пелагее под видом дружеских встреч с Митькой.

— Шо то ты зачистил ко мне, не? — язвил Митя, натирая мокрой тряпкой круп своего мерина

— Мить, вот ты дурак или прикидываешься? — закуривая отвечал Ванька, поодаль сидя на корточках. — На кой ты мне сдался? Я к Польке хожу, а с тобой тут сижу шоб не прогоняла...

— Хы.. — ухмылялся Митька.

— Она еще после дерзости той не отошла... — скорбно закончил Иван.

— Это ж после какой? — искренне поинтересовался Митрий.

Тут Иван опомнился и поняв, что растрепал языком попытался исправить ситуацию.

— Шо брови запрыгали? Чьей дерзости? Польку обидел кто? Говори! — Затараторил Митька, увидел как сконфузился его друг.

— Никто не обижал... шо ты!

Митька уставился на Ивана. Несколько секунд они молча пялились друг на друга. Вдруг, Митрий заговорил:

— Ты чё, сделал чё то?

— Да ты дурак совсем шо ли? — опешил Иван. — Чё я сделать то могу?

— А по что она гнать тебя тогда должна отсюда? — уже злее чем раньше спросил Митька

Он крепко сжал мокрую тряпку в руке и двинулся в сторону друга.

— Говори, сказал!

— Да ты че это? В самом деле! Просто видать надоел ей, вот и всё! — поднимаясь с земли оправдывался Иван.

— Шо то я не помню, шо бы она раньше тебя так гнала...

— Она и раньше гнала, ты запомнил просто...

— А ну говори! — Митька хлестанул тряпкой друга

— Ты че? Освирепел!? — изумился Иван и попытался выхватить тряпку у приятеля.

Со стороны их схватка больше походила на склоку базарных баб, не поделивших ситцевый платок.

Вовремя Пелагея вышла из куреня помочь брату почистить лошадей. Спускаясь с крыльца она заметила движение со стороны конюшни, а подойдя поближе, подняв намазанные брови стала наблюдать за этой нелепой схваткой.

— Ещё раз спрашиваю, шо ты сделал моей сестре?!

— Да ты ж знаешь, я Польке никогда плохого не сделаю! — вырывая мокрую тряпку из рук Митьки оправдывался Ванька.

— Я не верю тебе, Ванюшка! — скалился тот. — Или признаёшься или ты мне не друг боле! И к Пелагее не подпущу! С Манькой гулять будешь!

Услышав последнее, Иван отступил и молча уставился на друга. Тяжело вздохнув, он затоптался на месте, а после виновато начал:

— Я её... поцеловал...случайно!

— Случайно! — Выпалил Митька

— Не случайно! Но я понял шо дурканул

— Когда?

— Ешо когда Костю к нам тока приставили. — после долгого молчания отвечал Ванька зажимая нижнюю губу от стыда.

— Ты че совсем страх шо ли потерял, я не пойму? Ну ладно я, но если б батька узнал? Полька тоже хороша! Даже мне не сказала!

— Да я понял Мить шо я дурак!

— Да ты лопух даже! — Возмутился Митька — А знаешь, хорошо, шо не рассказала, а то я бы тебя, брат высек! Да не тряпкой этой, а плёткой своей.

— Ну говорю ж сглупил!

— Ладно, прощён! Так и быть! — Митька махнул тряпкой, распыляя брызги воды. — Но смотри мне!

— Да ты чё в самом то деле, ты ж меня с детства знаешь! — примирительно ухмыльнулся Иван, а после вдруг резко перевёл взгляд за друга. Митька оглянулся и увидел изумлённую сестру.

— О, сестрёнка! А ты чё это тут?

— А я помочь тебе пришла с Буяном, да вижу ты и сам буянишь неплохо. — подходя к ним язвила Пелагея.

— Да мы тут это, — растерялся Митька. — Тряпку выжимали!

— Ну я так и поняла — ехидничала Пелагея, а после перевела взгляд на Ивана всё так же растеряно наблюдавшего за каждым её словом. — Иван Алексеевич, шо то вы к братцу моему зачистили! Никак дел у тебя своих нет?

Ванька тут же попытался сделать серьёзный вид, но рядом с хрупкой румяной казачкой, он всегда выглядел щеглом.

— А шо нам и погутарить нельзя? — вставил Митька

Пелагея хитрыми, подобно кошачьим, глазами осматривала Ивана, что Митрию ненароком показалось, будто бы у сестры проснулся интерес к смущённому казаку.

— Можно, конечно. — выдавила Польшка, и переменяла взгляд на брата — Мить, ну научи меня рубке, давно тебя упрашиваю.

— Хы... так тебя ж учили по малолетству шашку держать. — хмыкнул брат, продолжая натирать крупные конские бока тряпкой.

— Я хочу делу казацкому поучиться, стрельбе с седла.

— Вот те... Ты как в юбке девичьей собралась по седлу ёрзать?

— Я шаровары натяну, не проблема!

Митька сморщил лицо, и оторвался от конских боков.

— Ага, шо б бабё местное раскудахталось... эка хохма получиться. — выпалил он.

— Да что мне до бабья местного! Моя жизнь — моё дело! — всплеснул руками выкрикнула Польшка.

— Нет. — закончил Митька и вернулся к коню.

Пелагея металась, бросала возмущения, упрашивала брата, но ничего не добила.

— Попроси меня ещё хоть раз о чёмнибудь! — со жгучей обидой выпалила она и пошла в сторону дома.

Иван неуверенно двинулся за ней, поглядывая на друга, который был озадачен лишь чистотой своего боевого товарища, и не замечал ничего кроме конской спины да мокрой тряпки.

Обходя есаульский курень, он нашёл Польшку на скамье под отцветившей вишней. Она по ребячески болтала не достающими до земли ногами. В эту секунду Ивану казалось будто бы перед ним сидит не зрелая дивчина, а та самая двенадцатилетняя Польшка, с которой они совсем недавно коротали детство.

Заметив Ивана, Пелагея направила на него недовольный, но в тоже время скорбный взгляд. Снова сконфузившись, но всем видом стараясь этого не показывать, он быстро шагнул в её сторону, однако не заметив кочку под ногами, споткнулся и растелился прямо возле скамьи. Ванька часто неуклюже падал, и веселил своей нескладностью товарищей, но в этот раз даже такая нелепица не вызвала у Пелагеи улыбки. Она была слишком расстроена отказом брата.

Её никогда особо не привлекали девичьи дела: рукоделие, плетение, покорность - всё это ей было чуждо. С детства Польшка не видела отцовского патриархата, и оттого как ограничивали её соседок ей было дико. Она мечтала о полной женской свободе, однако понимала, что это возможно лишь в пределах родного дома. Видимо это и было одной из причин той холодности к любовным порывам Ивана. Про себя Пелагея боялась быть скованной мужниной властью. Выйдет замуж и про волю можно забыть.

Однако сейчас под её ногами валялся не властный деспот, а неуклюжий Ивашка, который, кажется, принял своё нелепое положение и спокойно поднялся с земли оттирая грязь с кителя.

— Шо ж, совсем измотал тебя Константин? Уже и ноги не держат... — с лёгкой издёвкой подметила Польшка.

— Поль, я тут услышал ненароком. — спокойно начал Иван. Он не обратил внимания на издёвки, а искренне хотел прогнать печаль с лица есауловской дочки. — Ну... твоё желание делу казачьему обучится...

— Что, отговаривать будешь? — перебила его Польшка. — Дело не женское, сиди носки вяжи...

— Н-н-нет... почему? — затупился Иван. — Хотя... носки вязать вроде тоже дело полезное. — Добавил он и по-доброму ухмыльнулся.

— Ты мне это пришёл сказать? — Пелагея не оценила такой шутки.

В который раз убедившись, что юмор это не его, Иван собрался с мыслями и продолжил:

— Если хошь, могу тебя научить чему-нибудь...

— Правда? — с искренним удивлением спросила Пелагея.

— Ну, да...Завтра с утра, бери коня и пока на плацу никого нет - постреляешь.... а шаровары я тебе вынесу.

—Ты серьёзно?

— Серьёзно...

После услышанного Пелагея переменилась, на лице промелькнула радостная улыбка.

— Тогда... завтра пораньше встану, заседлаю Ясну и буду ждать тебя у околицы.

До дома Иван добирался в абсолютно добром расположении духа. Его широкую и счастливую улыбку заметили все кому не лень. Даже Алексею Степановичу на мгновение сын показался странным.

По ранней заре собиралась Пелагея. Она не меньше Ивана радовалась предшествующему событию, однако радость её была иной, отличной от Ванькиной.

До околицы Польшка добралась первой. Оглядываясь, она обеспокоенно ёрзала в седле. Станица была безлюдной, пустой и в этой пустоте Пелагея высматривала Ивана. Ожидание было слишком томным. Спустя некоторое время ей стало казаться будто бы тот вовсе не придёт, будто бы она зря поверила в это нелепое обещание.

Прождав ещё некоторое время, она с горечью развернула лошадь и уже собралась гнать в сторону дома, но вдруг заметила знакомую фигуру.

Иван, ухватившись за конскую гриву наметом подгонял резвую Сивку. Кобыла двигалась настолько быстро, будто бы на неё было поставлено целое состояние на какой - нибудь любительской скачке.

Переведя дыхание, Ванька вытащил из-под пояса аккуратно сложенные синие шаровары.

— Самые мелкие нашёл - невозмутимо, будто бы и не заставлял Польшку ждать его почти четверть часа, выпалил Иван. — Мои вторые по малолетству, почти как новые, я с них быстро вырос.

Пелагея недовольно поджала губы, и схватила протянутые ей казачьи портки.

— Ты мне мстишь за что-то? — вдруг выпалила Польшка.

— Ты чего?... — изумился Ванька

— Я прождала тебя как жалмерка на этой чёртовой околице!

Иван вдруг почувствовал себя виноватым, и попытался оправдаться:

— Я знаю, прости. Старался успеть как мог... шаровары долго искал, самые маленькие же нужны были...ты ведь ростом не отличилась.

Последние слова Пелагею мягко говоря не устроили. Нахмутив тёмные брови она выговорила всё, что накопилось за последние 20 минут:

— Ты назвал меня недоростком?! На себя погляди, переросток!

— Я... я не это имел ввиду... — растерялся Иван. — И почему я переросток?... просто вокруг все низкие.

— Ну да, и я в их число!...

— Польшка да чего в самом деле? Тебя так взбесило, шо я припозднился? Ну получилось так!

Польшка поняла, что действительно, причина опоздания довольно уважительная, тем более браниться времени не было, нужно было успеть до начала казачьего дозора.

— Ладно, извини, перегнула трошки, поехали пока никого нет.

Резвые лошади наметом погнались в степь, оставляя за собой легкие клубки пыли.

Тренировочный плац щедро обливала алым светом заря. Степь была тихой и пустой, будто бы только просыпалась после сладкого дрёма, лишь издали доносилось гулкое пение утренних птиц.

Иван соскочил с норовистой Сивы и освободил кобылу от плотной подпруги, позволяя ей поживиться свежей утренней травой.

Пелагея мягко скатилась с седла и принялась высматривать место, где можно было бы незаметно натянуть Ивановы шаровары.

— Вань, отвернись, мне приодеться надо. — обратилась Польшка к белёсому другу, символично указывая на его портки.

В ответ Иван торопливо огляделся и заметил поодаль плаца небольшой деревянный лабаз, в котором временами складировалось старое либо непригодное оружие, амуниция и тренировочный инвентарь.

— В лабазе прям можешь! — он указал рукой на небольшое сооружение, а после прибавил. — А то не дай Бог застудишься, как потом будем?

Пелагея скривилась в привычной ухмылке. Безусловно, она была благодарна Ивану за старания, но всё равно относилась к нему по-прежнему, как к другу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.